

Асиф КЕНГЕРЛИ

**ЗОДЧИЙ
КРЕМЛЯ –
КЕРЕМЛИ**

Баку

2022

Асиф Кенгерли, психиатр-нарколог.

Член Интернационального Союза писателей и
Союза писателей Народов Мира.

ЗОДЧИЙ КРЕМЛЯ – КЕРЕМЛИ.

– Баку, Мутарджим, 2022. – 176 с.

«Зодчий Кремля – Керемли» – повесть, написанная на основе реальных исторических личностей и событий, а также неистовой фантазии автора. В книге рассказывается о московском периоде жизни азербайджанского архитектора Алиша Керемли, построившего Кремль, о событиях того времени, жизни населения, строительных работах, любовных связях Алиш бея с Анной ханым и его трагической гибели.

В книге с гордостью занимают место рассказы: «История одной жизни» и «Дар Господа».

Язык произведений – «сладок», богат и свободен.

Надеемся, вам будет очень интересно, и ждем с нетерпением читательских откликов.

ISBN: 978-9952-28-589-5

© А.Кенгерли, 2022

ГЛАВА I

В глубокой древности в этих краях – в Масих оба*, которая сейчас именуется Москвой – жили тюрки-кипчаки и другие тюркские племена, которых русские называли печенегами и половцами. Они выбрали для жилья, холмы между двумя реками и поселились здесь. Весной и летом тюрки селились в Масих оба, их лошади, скот и отары паслись в поле с сочной травой, охотники охотились на птиц и диких зверей в лесу, рыбаки ловили рыбу в реке, женщины и девушки собирали в лесу фрукты, ягоды, цветы и пахучие травы. Поскольку зимы в этих краях были долгими, снежными и холодными, осенью они отправлялись на юг – перезимовать. Так миновали столетия...

По мере того как росла численность населения Земли, становилось всё больше людей, стекающихся к Масих оба с самых разных уголков. Изначально сюда массово приезжали русские, славяне, различные племена, роды и семьи с Севера и Запада, которых называли «болотными

людьми». Потом начали переселяться и с Юга. В результате сформировалась нация с общим языком, общей культурой и общими ценностями.

Чтобы узнать, как и кем было основано Московское княжество, дорогой читатель, давайте совершим путешествие в тот исторический период...

XIII век оказался одним из самых судьбоносных для русских земель: монголо-татарская угроза с Востока и нашествие немцев, шведов, чуди и латышей с Северо-Запада... В этот трудный период, в смертельной битве славянских племен эту историческую ответственность взял на себя новгородский князь Александр Ярославич.

...История вражды между славянскими и германскими племенами – древняя. С одной стороны, немецкоязычные народы вытесняли славян с их бывших балтийских земель на Восток, а с другой стороны, между русскими и шведами шли постоянные конфликты и войны за финские земли. К этой враждебности добавлялась и религиозная враждебность, поскольку, немцы были католиками, а славяне православными. Католики всегда считали православных – врагами.

Папа Римский и страны, присягнувшие ему на верность, не хотели разделения христианства, поэтому Папа послал в Новгород две буллы* и мирным путем призвал славян принять католицизм. В тех буллах Папа призывал всех христиан объединиться и обещал защитить новгородцев от монголо-татар. Александр Ярославич вынес обе буллы на обсуждение вече* новгородцев; население решительно отказалось от этого предложения. В результате православные и католики сошлись 5 апреля 1242 года на поле боя, что вошло в историю как Ледовое побоище. Эта кровавая и беспощадная битва закончилась полной победой новгородцев, а Александр получил прозвище «Невский». Позже, после освобождения захваченного немцами Пскова, власть славян на этих землях была восстановлена, а православие осталось нетронутым...

Однажды Александр и его друг Глеб сидели в Палате* и беседовали. Друг сказал Александру:

– Александр Ярославич, ты можешь говорить с немцами «языком меча», но с монголо-тарами отнюдь!

– Что посоветуешь?

– Сходи к хану Батыю и прими его подданство. Монголы прощают тех, кто им подчиняется и не посягают на их достоинство. Это единственный выход для тебя и новгородцев!

Эти слова показались дельными Александру Невскому. Он обхватил голову руками и задумался, взвешивая все за и против.

Летописцы говорят, что хан Батый послал тогда князю Александру такой ферман*: «Бог подчинил мне многие народы или ты единственный, кто не желает принимать мою власть? Если не хочешь потерять свои земли, приходи ко мне, и ты увидишь славу и честь моего престола». По воле хана Батыя Александр и его брат Андрей отправились в Золотую Орду в 1247 году на встречу с ханом. Через три дня они были доставлены в приемную хана Батыя после того, как их провели через два костра, чтобы устранить влияние злых сил на хана. Хан восседал на самом почетном месте – на троне – с чалмой на голове, в красном халате в полоску и желтых сапогах. Полководцы и вельможи сидели по правую сторону от славного хана, а дамы – по левую; по татарской традиции при принятии

решений учитывалось и мнение женщин.

Александр и Андрей проползли на коленях покои размером в сорок шагов и удостоились соизволения поцеловать подол хана Батые. Хан встретил их ласково, даровав Александру княжество Киевское, а Андрею – княжество Владимирское. Александр Невский обращался к Батый хану как «ота», «ата» – он выучил это слово, когда пришел в Кызыл Орду. Слово «ота» позже стало употребляться в русском языке как «отец»...

После смерти хана Батые в 1252 году его сын Сартак хан вместе с Владимирским княжеством присвоил Александру Невскому титул «князь великий всея Руси». Опираясь на свои силы и подмогу со стороны татар, Невский силой оружия подчинил себе других русских князей, заставив все население платить пошнину, которую татары называли тамга, а тех, кто не подчинялся, наказывал либо отрезанием носа, либо ослеплением, чтобы эта строптивость не позорила его имя...

У Александра Невского было четыре сына: старшим был Василий, который в молодости

княжил в Новгороде, а впоследствии в Костроме, где и умер. Его средние сыновья, Дмитрий и Андрей, вошли в историю бескомпромиссными кровопролитными междоусобицами за право носить титул «великого князя»; Андрей дважды, в 1282 и 1294 годах, с помощью денег и просьб приводил с собой татар в княжество Дмитрия, и монголо-татары опустошали эти земли, грабили и сжигали города и села. Оставим этих двух братьев наедине с их враждой и обратим внимание на Даниила, четвёртого сына в семье.

Даниил Александрович в то время был еще ребёнком, и при разделе он получил небольшой городок во Владимире, который на протяжении веков был пристанищем для христианских кочевых тюркских племен, и который они называли Масих оба, то есть село Христа. Масих оба раскинулась на поле между двумя реками, ее население не превышало пяти тысяч человек.

Даниил родился и рос в городе Риза. Он очень любил этот город мастеров, чьи крыши были из туго сплетенной соломы, а стены из толстых балок. Даниил былмышленным мальчиком, унаследовавшим от отца дипломатич-

ность и дальновидность. Он почувствовал, что у Масих оба есть будущее, переехал из Ризы в этот город и стал заниматься его управлением. Отец оставил Даниилу много богатства: золото, деньги, табун лошадей, крупный рогатый скот и имущество. В его время Масих оба стала постепенно расширяться, крепнуть и начало занимать определенное место и положение среди других русских княжеств.

У Даниила было пятеро сыновей: Юрий и Иван оставили свой след в русской истории XIV века. После отъезда старшего брата Юрия на свою прародину – Новгород, Иван правил Масих оба – Московским княжеством на протяжении 18 лет. За эти годы и город, и княжество значительно окрепли и расширились – Иван старался для этого как мог. В народе его звали Иван Калита, что означает «кошелек», потому что, гуляя по улице, Иван пытался завоевать всеобщую симпатию, раздавая деньги беднякам. Во время правления Ивана Калиты в центре города была возведена дубовая стена, вокруг которой возникло несколько новых деревень. Бояре стали приезжать в этот город из

других княжеств – заплатив золото в казну, они покупали земли, строили дома и основывали свои хозяйства. С каждым боярином приезжали его семья, родственники, слуги, дружина и так называемые «боярские дети», то есть подданные. Были бояре, с которыми переезжали двести, а то и тысяча человек, они искали более благополучное и безопасное место, в этом смысле Маск ова считалась очень подходящим местом. Сюда приезжали не только славяне, но и люди других национальностей и народов, в Маск ову приезжали даже турки и татары. Многие из них сменяли религию и язык и постепенно становились обрусевшими...

Иван Калита жестоко наказывал воров и разбойников, чтобы никто не посягал на купцов. В результате в Моск ову стекались купцы, как с Востока, так и с Запада. В то время была знаменита городская ярмарка Молож, а вырученные средства шли в княжескую казну. Самыми ходовыми товарами были меха, кожа и шелк. Шелк поступал из Шекинского ханство (Азербайджан), а меха и кожа из русских сел.

В новую эпоху монголо-татарского влады-

чества все полностью зависели от великого Хана, настоящего хозяина и верховного правителя этих земель, это понимал и Иван Калита. Когда в 1304 году умер брат Даниила Андрей, он отправился в Золотую Орду с большими дарами. Поднеся Хану и придворным множество даров, он встретился с великим ханом Узбеком, поцеловал подол его одеяния, попросил у него милости и вернулся с титулом «великого русского князя». Обладатель титула считался преемником могущественного Хана; каждый должен был с ним считаться, подчиняться его воле, считать его друга – своим другом, его врага – своим врагом и сдавать ему дань, взимаемый для Орды.

Иван Даниилович выкупил за деньги города Углич, Галич, Белозерск, несколько деревень, леса, реку и озеро и объединил их в княжество. Не довольствуясь этим, он со своей армией, но чаще с монголо-татарским войском, совершал набеги на соседние княжества либо свергал, либо поработал русских князей. Здесь у Ивана Калиты было две цели: первая заключалась в том, чтобы завоевать симпатию Золотой Орды путем сбора большого количества тамги, а

вторая – сделать Москва сильнейшим княжеством на Руси! Другие князья, не желавшие мириться с лидерством этого княжества, ненавидели его, но всё же опасались и сторонились. Нападение Ивана Калиты на город Тверь, которым правили его двоюродные братья, вошло в историю: он вместе с монголо-татарами разрушил город настолько, и в итоге спалил дотла. По рассказам очевидцев первые приметы жизни в Твери стали появляться только 50 лет спустя. Он также «испепелил» тверских тем, что привез в Москву колокол Спасской церкви, которая считалась священной для православных русских.

Он прекрасно понимал, что есть только один способ сломить сопротивление славянских князей и подчинить их – меч. Ивану Калите пришлось отправить войска во Владимир, Переяславль, Новгород, Рязань, Нижний Новгород и другие города. Тех, кто выступал против него, он уничтожал руками татар, потому что имел тесные связи с могущественным ханом Узбеком; он всегда дарил тому много подарков. Иван Калита, как обладатель титула «великий князь»,

имел большую власть среди русских князей.

После смерти хана Узбека его сын Джанибей также присвоил титул «великий князь» Симеону (1341–1353) – старшему сыну Ивана Калиты, а затем его второму сыну Ивану Красному II (1353–1359). Хотя Иван Красный II был из строптивых, он поддерживал свой престиж за счет многочисленных бояр, избравших Москву своей родиной. Хотя во время его правления не произошло больших исторических событий, влияние княжества Маск ова среди русских росло, и город постоянно развивался...

В то время в Орде происходили сменяющие друг друга дворцовые перевороты: Джанибей был убит своим сыном Бердибеем, а Бердибей был убит полководцем Новрузом; Новруз объявил себя ханом. Князь Суздальский – Дмитрий Константинович поспешил в Орду и получил от Новруза титул «великий князь» и добился первенства среди русских князей. Суздаль враждовал с Маск овой, им подвернулся счастливый шанс, чтобы расквитаться с ними. Тогда же Новруз хана убил другой полководец – Хыдыр, и объявил себя следующим ханом. После того, как

Хыдыра убил его же сын, Кызыл Орда была потрясена, и возник вопрос, кто будет ханом. Только сам Хан мог даровать титул «великий князь»...

Итак, мы дошли с вами до того периода, когда в Москве начал строиться Кремль.

1. Племена и народы, пришедшие в Москву, изменили название города в соответствии со своим языком: Месих оба - Масх оба - Маск ова – Моск ова - Москова - Москва.

2. По мнению автора, это может быть и в следующей форме: Мэскен - Москан - Москва.

Московские князья, потомки Александра Невского, находившиеся при власти: Даниил Александрович - Иван Калита - II Иван Красный - Дмитрий Донской.

Александр Невский

Даниил Александрович

Иван Калита

II Иван Красный

Дмитрий Донской

ГЛАВА II

Москва, пасмурная, хмурая осень 1366 года, моросит. Пятнадцатилетний Дмитрий Иванович Дмитриев, князь Московский, позже известный как Дмитрий Донской, стоял в Палате перед окном, смотрел на навевающую печаль пейзаж, погрузившись в тяжелые думы. Сначала он вспомнил об отце: отец был высокий, красивый мужчина, любил за собой ухаживать, поэтому все звали его Иван Красный II*.

Его 39-летний отец тяжело заболел, у него был жар. Наставники отвели девятилетнего ребенка в опочивальню, и Митя медленно подошел к кровати отца в длинном белом кафтане. Те, кто был в комнате, быстро вышли наружу; остались только он, его отец и священник Митрополит Алексей I. Взгляд Дмитрия был прикован к лицу отца: глаза запавшие, красивое лицо выглядело бледным и крайне утомленным. Он открыл глаза и увидел сына, жестом подозвал его, глубоко вздохнув начал медленно говорить.

Голос отца был приглушен, говорил тихо:

– Дмитрий, милый, мне осталось мало, я ухожу. У меня есть для тебя пара слов, послушай: чтобы сохранить и укрепить княжество, ты должен крепче держаться за рукоять меча; «Человека надо держать в узде». Мы со всех сторон окружены врагами, будь то басурмане*, христиане, татары, варяги* или литовцы – неважно, враг есть враг! Ты можешь многое сделать с помощью меча. А еще с деньгами... «Злато открывают даже те двери, которые не открыть мечом». Старайся, Митя, набить казну золотом, обложи всех налогом. Уяснил? На Востоке есть поговорка: «Спросили у горы: «Чего ты боишься?» Она ответила: «Злата». Меч и деньги – пара крыльев. Как птица не может летать одним крылом, так и государство не может устоять или двигаться только силой. Ты, Митя, хорошо запомни мои слова! Его отец глубоко вдохнул, перевел дух и продолжил:

– Дмитрий, ты слишком молод, чтобы добиться успеха, у тебя нет опыта, ты не разбираешься в людях, поэтому можешь ошибиться. Прежде чем что-либо делать, посоветуйся, вся-

кий совет к разуму хорош, не стесняйся этого, а больше всего ты можешь положиться на митрополита Алексия. Он будет твоим отцом и главой княжества, доверь ему все свои дела, следуй его советам и ты не пожалеешь – это моя последняя воля и завет. Да будет так. Аминь!

Затем в думах Дмитрия ожили отец и митрополит Алексий. Ему тогда было 6-7 лет, и отец привел его к Митрополиту для обучения.

– Святой отец! Приучи Митю к строгим правилам, обучи его владению мечом, езде на коне, пусть овладеет наукой войны и познает жизнь воина.

– Государь, как же наука, нравственность, мудрые слова, стихи?..

Иван II перебил Митрополита и нахмурился:

– Ни мудрых слов, ни стихов, - саркастически засмеялся он.

– Ведь во дворцах Востока, и Франции дитё обучают военному делу, этикету, науке, религии, поэзии и даже музыке...

– Делай, что тебе вещаю! Обучи отрока владеть мечом, а не премудростям всяким! Покуда вокруг Руси враги, ни мне, ни моим отпрыскам

ненадобно это твое благолепие!

Митрополит казался обиженным, но ничего не ответил, предпочитая промолчать.

Юный князь покинул мир грез, осмотрел комнату, прошел и сел на скамейку. В это время в дверях появился митрополит Алексей I в священническом облачении. Борода с проседью украшала его белые щеки, а сильный голос и уверенная манера поведения внушали по отношению к нему уважение. Только Митрополит мог войти в палату без разрешения, он прошел и сел напротив Дмитрия. Алексей пристально посмотрел Дмитрию в лицо и спросил заботливо:

– Государь, обеспокоен? Все ли благополучно у Вас.

– Нет, – сказал Дмитрий, сглатывая ком в горле, – мне вспомнился отец.

– Ааа. Царствия небесного батюшке вашему и деду, они были замечательными людьми. Чего только они не сделали для Московского княжества? Но... Мы еще не смогли полностью выполнить их волю.

– Давайте делать то, что должны, – твердо сказал Князь, вскочив с места.

Митрополит начал осторожно «нашепывать» Князю то, о чем давно думал:

– Надо максимально укрепить Московское княжество, защитить основу города от врагов.

– Как вы думаете, с чего следует начать?

– Как говорится, «Сначала внутри дома, потом снаружи». Начнем с Москвы, с сердцевины княжества, вот прямо отсюда, – уверенно сказал Алексей I. – Вы знаете, что в прошлом году (1365) в Москве все сгорело при пожаре, мы не смогли ничего спасти, потому что здесь все деревянное. Если бы постройки были каменными, огонь не распространился бы настолько далеко.

– Что правда, то правда. Что скажешь Святой Отец – нетерпеливо выпалил молодой Дмитрий.

– Рано или поздно нам придётся возродить Москву, к тому же из камня. Начать надо отсюда, с княжеского дворца. На мой взгляд, помимо дворца, должны быть возведены и крепостные стены, чтобы мы могли защитить наши семьи от вражеских набегов.

Митрополит сказал нараспев, будто погружившись в думы:

– Пусть первое великолепное каменное здание в Москве будет построено во времена Великого князя Дмитрия Ивановича и останется на веки вечные! Это станет историческим событием и увековечит имя Дмитрия Ивановича, – сказал он, испытующе глядя на честолюбивого князя.

Государь обрадовался тому, что войдет в историю, охотно согласился, не задумываясь:

– Это очень хорошее дело, – сказал он. – Но где найти зодчих, мастеров и подмастерьев? Наши люди не умеют работать с камнем, они разбираются только в дереве.

– «Только от смерти не найти спасенья», – сказал Митрополит. – Прошлым летом в Бахчисарае я увидел имения, и, честно говоря, они мне очень понравились. Я спросил зодчего, и мне назвали имя Керемли – из Шемахи. Я много размышлял об этом. У нас для этого достаточно золота и сил. Может, стоит позвать Гафур бея и узнать подробности, не так ли?

Князь сразу согласился. Он позвонил в звонок. Дверь распахнулась, показалась голова слу-

ги, покорно ожидающего приказов. Государь сказал громко:

– Пригласите сюда посла Ширваншахского ханства в Москве Гафур бей. Живо!

Слуга закрыл дверь. Гонец поскакал за Гафур беем в посольство и сообщил ему о приказе князя. Гафур бей приехал в княжество верхом, и его без промедления впустили. Он вошел в Палату и поклонился Князю и Митрополиту. Они поздоровались с ним и попросили подойти поближе. Гафур бей стал ждать того, что ему скажут.

– Князь намерен возвести в Московии княжеский дворец и крепостные стены из камня, - начал Дмитрий Иванович. – А Митрополит Алексей предлагает зодчего – вашего соотечественника.

– Алиш Керемли? – сказал с улыбкой Гафур бей.

– Да, да, Керемли, – улыбнулся и Государь. – Вы знаете, что Ширваншахское ханство и Московское княжество, я и Ширваншах Шейх Ибрагим Яссар дружим и поддерживаем между собой хорошие отношения. Поэтому у нас

просьба к Шейху Ибрагиму. Надеюсь, вы нам поможете в этом деле.

– По поводу Керемли?

– Мы хотим пригласить его в Москву, – вмешался Митрополит. – Возможно ли это?

Гафур бей задумался, он о чем-то молча думал.

– Знаете, я готов сделать всё, что в моих силах, и с удовольствием сделаю это, но... это зависит не только от меня. Я летом гостил в Шемахе, а Алиш бей только что вернулся из Индии. Мы много беседовали, ведь он мне и дальний родственник и друг – мы выросли в одном мехелле*. «Я очень устал, хочу немного отдохнуть», – сказал он. Если у него нет другой работы, я могу уговорить его приехать сюда. Но Керемли никуда не поедет без согласия Шейха Ибрагима. Если вы напишете письмо Ширваншаху и уговорите его, возможно, это дело состоится, – подытожил посол.

Наступила тишина. Каждый молча задумался над этой проблемой. Вдруг Митрополит спросил:

– Допустим, мы убедили и Алиш бея и Шаха. Прежде всего, мы хотим знать, какие строения

возвёл Керемли? Что можешь поведать нам?

Гафур бей стал складывать пальцы один за другим, вспоминая:

– Например, три великолепных четырехэтажных здания со стороны садов Дамаска – это раз, мост в пять ярусов, через реку Деджле – это два, чудесное Бахчисарайское имение и фонтаны в Гырыму* – это три, дворец князя Додиа в столице Грузии Мсхета – это четыре, топча* Керим Ага в Тебризе – это пять, огромный караван-сарай на восемьдесят комнат в Ширазе – это шесть, и красивая мечеть Джюма в индийском городе Дабиле – это семь. Не говоря уже о мосте в Шемахе и других больших и малых постройках.

Митрополит и князь внимательно выслушали Гафур бея, переглянулись и улыбнулись в знак согласия, придя к выводу, что он действительно великий создатель.

– Вдобавок, Алиш бей является не только зодчим строения, но и главным застройщиком, то есть сдает работу полностью в готовом виде, - добавил Гафур бей. – Это очень понравилось и Князю и Митрополиту. Они много думали

после ухода Гафур бея; во Франции, Риме, Вавилоне и Помпеях были хорошие строители; но ни один из них не совмещал работу зодчего и застройщика. Кроме того, работа, проделанная Алиш беем, находилась у всех на виду, никто не смог бы с ним сравниться.

Митрополит Алексий I

Таким образом, спустя три дня Митрополит и Государь единогласно решили поручить строительство Москвы Алишу Керемли...

ГЛАВА III

После того как князь Московский Дмитрий Иванович и митрополит Алексей I, ведавший всеми делами княжества, приняли решение построить каменную крепость и дворец в Москве, Алексей добровольно взял на себя организацию этого великого дела, потому что он понимал, что никто кроме него не справится с этим даже сам Государь. На это не хватило бы ни ума-разума Дмитрия, ни его воли, что могло стоять им и населению княжества жизни – всё обстояло столь решающе.

Митрополит стал думать и размышлять, подперев голову руками: в это время, когда с одной стороны наступали заклятые враги – монголо-татары и литовцы, а с другой шли вечные распри с соседними русскими княжествами, промедление могло стоять жизни; он вспомнил присказку: «Может быть, Бог даст тебе отсрочку, но не враг», и поднял голову, решив немедленно приступить к работе. Следующий вопрос: «С

чего начать?». И себе же ответил: «С тех, кто может справиться с этим делом». Он думал о людях, которым доверял, и остановился на боярине Баратынском. Потому что этот человек был выносливым, как солдат, красноречивым и преданным княжеству. Затем он позаботился о том, чтобы дорога для путников вышла короткой и безопасной. Посоветовавшись с Гафур беем, выбрал кратчайший путь из Смоленска на Кавказ, через Иберию до города Гянджа, и уже оттуда в Шемаху.

Митрополит приказал готовиться к сборам. Стали отбирать людей, лошадей, подарки, упаковывать в холщёвые мешки. Из казны выделили деньги и золото. Как только все было готово, Алексей I принял в Палате боярина Баратынского и посла Гафур бея, дал им наставления и вручил два письма за подписью князя. В конце он помолился, осенил их крестом и благословил; на этом прием закончился.

На следующее утро в морозный день отряд отправился в путь. Когда конница боярина Баратынского подошла к Смоленску, уже смеркалось. Дойдя до караван-сарая, они отдали лоша-

дей конюхам, а сами взяли мешки с дарами и унесли в комнаты. Сразу после ужина легли спать, потому что рано утром их снова ожидал долгий, заснеженный путь. На следующий день пришлось ехать еще дальше, поэтому, несмотря на холод и усталость, они очень спешили, ехали весь день, сменяя лошадей. По пути им встречались конные и пешие сельские жители, дружинники, небольшие вооруженные группы, проезжали деревни с невысокими домиками, хутора, покрытые льдом реки, озера леса. Лай собак, ржание лошадей, рев ослов, хрюканье свиней, мычанье коров и блеянье овец служили знаком присутствия человека в этих краях. Гуси, плавающие в ледяном озере в поисках пропитания, и кукарекающие спозаранку петухи навевали странное настроение.

Так прошло несколько недель. Несмотря на усталость от долгого путешествия, холода, морозы и стужу, путники оставили позади земли Руси и прибыли на Южный Кавказ. Переночевав в большом каравансарае снова отправились в путь. Наконец доехали до древнего города Гянджа. Окружавшие город крепостные стены,

каменные здания, мечети с двойными минаретами, базары, каравансарай и бани свидетельствовали о великолепии города; русским пришлось по душе приветливость и гостеприимство горожан. Им хотелось остаться в таком красивом месте, но из страха перед Митрополитом они снова пустились в путь и направились в Шемаху. Таким образом, в январе 1367 года группа достигла ворот древнего и красивого города Шемаха – столицы Ширваншахского ханства.

Поднимаясь между двумя невысокими холмами по направлению к городу, гости восхищенно лицезрели великолепные крепости и башни Шемахи, мечети и минареты, поражались красоте города. Через час усталые лошади вместе с кавалерией и грузами на спине стояли перед большими воротами дворца Ширваншахов. Лошади фыркали, топали ногами по земле и качали головами. Вскинулась дворцовая стража, стражники бросились к воротам с оружием в руках. Эшикагасы* подошел к двери и спросил этих странно одетых людей:

– Кто вы и зачем сюда пожаловали?

Гафур бей спешился и выступил вперед:

– Ас-саламалейкум, Абдуррахман бей! Это я, Гафур бей, мы приехали издалека – из русских земель. Это послы Московского княжества, они желают встретиться с Ширваншахом.

Дворецкий узнал Гафур бея, поздоровался с ним за руку и спросил о житье-бытье. Тут же отворились ворота, гости и лошади вошли во двор. Конюхи быстро схватили лошадей за поводья, несколько раз обвели их по двору, а затем отвели в конюшню и дали им ячмень, солому и воду. Гостей пригласили в гостевые комнаты Шаха. Доложили Ширваншаху Шейху Ибрагиму, тот поручил проявить должное уважение к гостям и велел сообщить, что они после отдыха приглашены на ужин.

После наступления темноты в большой гостиной Дворца Ширваншахов было устроено торжество в честь российского посла боярина Баратынского. Войдя в зал, гости были поражены горящими свечами, подсвечниками, висящей на стенах древней утварью, оружием, прекрасными коврами, придворными, приглашенными в честь гостей. Молодой слуга указал Баратынскому на Шейха Ибрагима Ширванша-

ха и жестом пригласил его подойти к нему. Шейх Ибрагим и боярин Баратынский поздоровались, поинтересовавшись настроением гостя, Шейх пригласил его сесть рядом, во главе. После того как Шейх и Баратынский сели, все остальные опустились на атласные подушечки, которыми были устланы ковры. Было приготовлено не менее сотни блюд, а больше всего Баратынскому понравился шербет* из тархуна, хан-кебаб* и шах-плов*, он впервые видел и пробовал эти яства. Гостей угощали разнообразными блюдами: плов, долма*, люля-кебаб, пашлык, родниковая вода... А после трапезы подавали свежие и сушеные фрукты. Приятный аромат еды сводил гостей с ума. После того, как все наелись и убрали, Ширваншаху вручили подарки, привезенными послами.

Гости приехали в Шемаху из Москвы вместе с десятью вооруженными кавалеристами в черных папах, длинных красных сапогах, серых бурках и семью скакунами, нагруженными подарками. Там были владимирские меховые бурки, вазы из чешского хрусталя, изящная фарфоровая посуда достойные коро-

лей. Целью вручения этих ценных даров было покорить сердце Шейха Ибрагима, почтить его и уговорить отпустить Керемли. Митрополит прекрасно знал, что люди на Востоке очень любят подношения, и нередко можно завоевать их сердца ценными вещами.

Также были вручены два письма на имя Ширваншаха Шейха Ибрагима Яссара с печатью князя Дмитрия Ивановича. Письмо по-русски прочитал боярин Баратынский, а перевел посол Гафур бей. В первом письме в Москву приглашался главный архитектор и основной строитель Ширваншаха Алиш Субхан оглу Керемли, а во втором письме говорилось о гарантии Московского князя по поводу его безопасности. После ужина, когда все удалились, Шейх Ибрагим и архитектор Алиш Керемли остались одни в зале. Шейх Ибрагим, который любил Алиш бея, как родного сына, не хотел отпускать его далеко от себя, но он чувствовал любовь Алиш бея к созиданию и удовлетворенность приглашением, потому смягчился и позволил тому ехать. Свою роль в этом сыграла и письменная гарантия Князем личной безопас-

ности Алиша Керемли. Таким образом, Ширваншах Шейх Ибрагим благословил мастера Алиша Керемли, и только после этого тот начал готовиться к отъезду.

Алиш бей всегда брал с собой одного-двух мастеров для строительства больших построек, иначе он не справился бы с работой в одиночку. Его ближайшими помощниками были Исфандияр и Мехди. Отец Исфандияра только что скончался, поэтому он не мог уйти с Алишем, как бы того ни хотел. Оставался только Мехди. Алиш бей вызвал Мехди и приказал ему подготовиться к путешествию, и тот немедленно согласился. Мехди очень любил и уважал Алиш бея, готов был ради него даже на смерть, потому что знал, что Алиш готов был сам голодать, но не дал бы голодать товарищу, никогда не оставил бы друга в беде, никогда не дал бы работника в обиду – таких люди называют «отцом народа».

Прощавшись с Мехди, Алиш бей начал готовиться к путешествию. В первый хурджин он осторожно поместил диван – писание шемахинского поэта Эфзаледдина Хагани, «Хэмсе» Низами Гянджеви, Коран, а также подаренный

ему в Индии томик «Калила и Димна», туда же он сложил карандаши, резинку, китайскую бумагу, циркуль, линейку, так как всё это требовалось ему для проектирования дворца, стен и башен, которые он собирался возвести. А книги он мог бы читать в свободное время. Во второй хурджин он собрал мастерок, деревянную мастерку, вал, весы, ведро, ванну, тонкую веревку, перчатки, ботинки и так далее.

По словам Гафур бея, «в тех краях очень холодно и снежно», поэтому он взял шерстяные носки, варежки и теплую рубаху, связанные матерью детей и сестрой, положил их в сумку. На пятый день прибытия русских послов Алиш Керемли сел на белого коня, привезенного из Москвы лично для него, и попрощался с родными. А 10 января 1367 года отряд Баратынского покинул Шемаху и двинулся в сторону Москвы.

Оставив позади Шемахинские горы они двинулись в Гянджу, переночевали там, а рано утром, пока еще не пропел петух, направились в Иверию. После долгого путешествия вдоль реки Кура достигли Мсхеты – древней столицы грузин. Вдруг их стала преследовать группа воору-

жённой конницы, окружила и подвела к воротам княжеского дворца – это был дворец князя Додиа. Воины князя разоружили русских, спешили их и повели внутрь. Сколько бы Баратынский ни рвал себе глотку, сколько бы ни махал письмом московского князя о неприкосновенности, его игнорировали – грузины всех арестовали. Вдруг вперед выступил Алиш Керемли и сказал по-грузински:

– Я зодчий Алиш Керемли, друг князя Додиа. Грузины были ошеломлены и быстро отправили сообщение Додиа. Князь приказал освободить всех и привести к нему архитектора.

Князь Додиа с улыбкой встретил Алиша Керемли и устроил в его честь прекрасный ужин.

Хотя Додиа предложил, чтобы Алиш Керемли и его дружина остались у них подольше погостить, Алиш бей сказал, что им нужно ехать по важному делу, и уехал вместе со своим отрядом на утро следующего дня. Когда группа двинулась в путь, на спины лошадей в дар от грузин погрузили хурджины с едой и меха с вином...

Через два месяца они прибыли в Москву живыми-здоровыми. Алишу Керемли было

предоставлено место в посольстве Шемахи, где он и Мехди стали жить.

На утро Алиш бей приехал верхом в местечко между Яузой и Москвой-рекой, оглядевшись прикинул на глаз расчёты. Затем он проехался по городу, пытаясь с ним ознакомиться. В городе находилось всего одно каменное здание – так называемая Михайловская церковь, да и та построенная без вкуса. В то время в Москве проживало около 5 000 жителей, и, хотя в городе не было рынков, караван-сараев, бань и великолепных зданий, как на Востоке, его население росло день ото дня. Этот прирост произошёл за счёт соседних княжеств – попадалось много вынужденных переселенцев, беженцев, бездомных. В конце концов узнав, что на окраине города есть три кладбища, он повернул коня и поскакал туда...

Вечером, вернувшись домой, Мехди спросил:

– Устад*, где был?

– На кладбище, – смеясь, ответил Алиш бей.

– Что ты там делал?

– Если хочешь знать, есть ли в городе дисциплина, закон и порядок, уважение к стар-

шим нужно сходить на кладбище, осмотреться там и сделать вывод, - полусхутия, полусерьезно ответил Алиш бей.

– Мне это никогда не приходило в голову, – изумился Мехди. Но он также знал, что Алиш бей не станет заниматься чем-то незначительным. Он не мог скрыть своего интереса:

– И к чему вы пришли?

– Здесь нет ни дисциплины, ни уважения к старшим, сплошная неразбериха... До Кавказа им еще 2-3 века, Мехди, – сказал он.

Оба проголодались. Они съели суп, принесенный поварихой, затем каждый лег в свою постель. Наутро их обоих ждала напряженная работа...

ГЛАВА IV

22 марта, оставалось три дня до подписания соглашения, они затруднялись его составить, Алексей I пригласил Алиша Керемли в Палату. На встрече присутствовали только необходимые люди: Дмитрий Иванович, Митрополит, Боброк, Алиш Керемли и Гафур бей. Уточняя условия соглашения, Алиш бей сказал:

– На строительстве должны трудиться около 1500 человек, большинство из них – пришлые, обездоленные, не имеющие крова над головой. Им всем надо построить дом за счет княжеской казны – это во-первых. Во-вторых, все рабочие должны быть обеспечены горячей едой один раз в день. В-третьих, если кто-то начнет инспекцию проектов, изменений земельных участков, финансовых затрат и т.д., это замедлит работу и обременит меня. Я свободолюбивый человек, если что надену папаху, сяду на коня и вернусь в Шемаху, пожалуйста, примите это во внимание, - подытожил он. Потом подумал о том, что

высказался несколько жестко, но «стрела уже вылетела из лука»...

Государь и Митрополит, не готовые к таким условиям, поерзали, немного подумали, перешептались и, наконец, согласились.

Боброк бросил с места реплику:

– Может, каждому еще и коня подарить, чтобы им было удобно приходить и уходить?

– Если у работника нет дома, если он голоден, как он может трудиться? – Парировал Алиш бей. – Когда враг приставит меч к твоему горлу, будет слишком поздно, понимаешь?

Митрополит с целью восстановить мир произнес:

– Алиш бей, мы согласны, мы составим договор, как вы того желаете, – с этими словами он неодобрительно посмотрел на Боброка. Все разошлись, потому что в дальнейших разговорах не было необходимости.

ГЛАВА V

Было организовано большое торжество по поводу заключения договора о постройке Московского дворца.

Заняли свои места должностные лица, священнослужители и приглашенные гости. Когда Алиш Керемли, Мехди и Гафур бей вошли в Палату, Князь и Митрополит выступили вперед и встретили их. Князь взял Алиша Керемли за руку и усадил во главе стола. Все стояли и ждали Дмитрия Ивановича. Во главе разместились Великий Князь Дмитрий Иванович, слева от него митрополит Алексей I, дядя князя, глава сыска и секретной службы Боброк, дворцовые вельможи, именитые бояре, послы, офицеры, а с противоположной стороны стола Алиш Керемли, Гафур бей, Мехди и религиозные деятели.

Государь произнес краткую речь:

– Господа! Как вы знаете, если мы хотим расширить и укрепить Москву, защитить ее как столицу княжества, отстроить заново, к тому же из камня, потому что мы все видели в прошло-

годнем пожаре какова судьба деревянных построек. Это великая и историческая работа. Нам нужен был зодчий, который мог бы создать эту работу, и мы счастливы, что нашли этого человека – он одновременно великий зодчий и бесценный строитель. Его имя будет жить веками благодаря возведенным им дворцам, мостам, зданиям, каравансараям и мечетям. Это – великий градостроитель Алиш Керемли! Я надеюсь, что он создаст и в Москве красивый княжеский дворец.

Затем слово взял Митрополит:

– Мы с Государем думали только о строительстве дворца и крепостной стены, но Алиш Керемли предложил построить внутренний город. Дадим ему слово, пусть скажет сам.

Гафур бей, насколько мог, переводил разговоры Алиш бею, и тот узнавал о ходе беседы. Когда ему дали слово, Алиш бей начал медленно говорить:

– Как только я приехал сюда, посмотрел на участок между двумя реками, то есть между реками Яуза и Москва, и сделав примерный замер решил, что здесь нужно провести очень большие

и великолепные строительные работы. Сначала должны быть построены высокие неприступные крепостные стены, затем княжеский дворец, жилой дом для княжеской семьи, церковь, жилой дом для духовенства, столовая, кухня, амбар и склады для хранения продуктов, канал для питьевой воды, каменная канава для отвода сточных вод, торговые лавки, медресе* и т.д. Пусть будут все условия и комфорт для проживания людей... То есть они могут удовлетворять все свои потребности, не покидая крепостных стен.

Алиш Керемли был человеком дальновидным, поэтому он ничего не сказал о безопасности княжества и способах бегства в чрезвычайных ситуациях, потому что здесь были самые разные люди, и это могло бы иметь нежелательные последствия. Все открыв рот с интересом слушали Алиша Керемли, не хотели пропустить ни слова. Он был не очень словоохотливым человеком, умел выражать свои мысли короткими и насыщенными фразами, поэтому закончил свое выступление, не вдаваясь в подробности. Ему задали несколько вопросов, на которые Алиш бей дал краткие ответы. Затем внесли

договор на строительство. Вошедшее в историю соглашение подписали архитектор Алиш Керемли и князь Дмитрий Иванович. Согласно договору, не имелось ограничений количеству работников, финансовым затратам, изменениям территории. Запрещались инспекции, поправки к проекту главного зодчего, короче говоря, ему предоставляли полную свободу. По предложению Алиш бея была достигнута договоренность об оплате из казны строительства домов для рабочих и предоставления горячих обедов в полдень. В итоге были согласованы зарплаты, выплаты и вознаграждения: по этому соглашению Алиш бей должен получать 20 золотых в месяц, Мехди 5 золотых, местные мастера по одному, 7 рублей полагалось рабочим и не менее 5 рублей тем, кто работал на кухне и в других местах. И всё это было отражено в соглашении. Алиш Керемли должен был получить в общей сложности 30 000 золотых за 4 года, а Мехди – 7500.

Это грандиозное строительство должно было быть завершено ровно через четыре года. Именно там Алиш Керемли утвердил первый

проект стен замка с высеченными башнями, бойницами и воротами. На этом прием закончился – это историческое событие произошло 14 марта 1367 года. Там же было решено провести церемонию закладки фундамента, в день Благовещения, 25 марта, то есть в День возвещения архангелом Гавриилом Деве Марии о будущем рождении по плоти от неё Иисуса Христа. Алиш бей согласился с этим предложением Митрополита.

Наконец, был зачитан указ Московского Князя о присвоении Алишу Керемли сана боярина. Все его поздравили, тем самым историческая церемония завершилась.

С согласия Государя и при организации Митрополита был дан званый ужин в честь Алиша Керемли, достойный самих королей. Такие застолья проводились только в официальные государственные и религиозные праздники, когда приезжали главы государств и великие князья, а также когда прибыл Патриарх Владимира и Всея Руси. Таким образом, можно понять, какое внимание уделялось строительству в Москве.

Алиш Керемли

ГЛАВА VI

Алиш бей вместе с Мехди приехал в посольство. Они очень устали.

– У нас много работы, и мы не сможем ее выполнить, если не будем расторопными, Мехди. Через десять дней у них праздник. Они хотят, чтобы мы в этот день заложили фундамент для строительства. Мы должны нанять как можно больше рабочих с завтрашнего дня. Мехди, старайся выбирать работников из числа приезжих и бедняков, они нуждаются, и потому проявят рвение.

В лесу есть карьер, нам нужны лошади и телеги, чтобы оттуда привозить камни, надо их подготовить и отправить, старый забор нужно снести, предстоит построить деревянные дома для рабочих, бани и кухню, чтобы мы могли работать бесперебойно. Ты знаешь как я работаю: нет мелкой или большой работы, нет очень важной или незначительной, все они одинаково важны. Если рабочий не выспался, не поел, если

у него что-то болит, как он может трудиться? Поэтому важно заботиться о людях, чтобы они могли работать в полную силу. Конечно, нужно быть требовательным, нельзя их распускать, ладно?

– Слушаюсь, Устад!* Я сделаю все возможное. Завтра начнем нанимать батраков. Для работы в карьере отберем лошадей, телеги и людей и отправим в лес. Их нужно научить, как добывать камень, как его тесать, как грузить в телегу и привозить сюда.

– Хвалю. Займись этим завтра и послезавтра. А я займусь постройками жилищ для рабочих, кухни, бани и позабочусь о еде. Мы должны завершить все приготовления за десять дней. После того, как страда начнется, нам некогда будет.

– Знаю, понимаю, слишком много работы, Устад.

– К тому же нам придется создавать, закладывая целый город, это не похоже на прежние наши дела.

– Не знаю, как успеем это сделать за четыре года, - выразил обеспокоенность Мехди.

– Разве ты не слышал, говорят: «Глаза боятся, а руки делают», – мудро промолвил Алиш бей. – Еще говорят «ни другу, ни врагу не доверяй почин».

– И вправду.

– Наше дело – работать не покладая рук. Иначе ничего не успеем, осрамимся. Не бойся, уверенно приступай, лиха беда – начало.

Они поговорили некоторое время, а затем заснули, потому что Алиш бей и Мехди начиная с завтрашнего дня ждали крайне важные дела.

ГЛАВА VII

Наконец, настало 25 марта – день «Благовещенья». На церемонию закладки фундамента собрались все: Государь, Митрополит, Патриарх Владимирский и всея Руси, Боброк, Баратынский, группа бояр, духовенство, послы, гости и бесчисленное количество горожан. Митрополит Алексей I произнес краткую речь, прочитал молитву по Библии и благословил строительство. Затем Алиш Керемли достал из кармана небольшой Коран и прочитал суру Ясин. На этом официальная часть церемонии завершилась.

Затем Алиш бей заложил первый цельный черный камень в основание стены замка, предварительно намазав его сырым яичным белком – такое случалось впервые на Руси. Строительные работы поразили всех, послышался гул людских голосов, рев и аплодисменты. Как только церемония закладки фундамента была закончена, люди Боброка заставили горожан уйти. В конце концов, разошлись и официальные лица, остались только мастера и труженики. Подёнщики* без остановки приносили камни и глину, а масте-

ра возводили постройку. По приказу Алиш бея несколько рабочих демонтировали стены крепости, построенные из дерева и глины, скидывали их в траншею, вырытую для воды, а затем засыпали всё камнями и землей – это сооружение было ликвидировано, потому что не вписывалось в проект будущих строительных работ.

...Уже несколько дней шли активные строительные работы. Мастера и рабочие сооружали стены крепости, бойницы, поднимали крепления ворот. Алиш Керемли не находил ни одной свободной минуты, он бегал то за одним делом, то за другим, инструктировал мастеров, что-то объяснял каменщикам, или же занимался решением бытовых вопросов рабочих. Для него не было большого или малого – он ко всему относился одинаково серьезно. Внезапно пришло известие, что у одиннадцати человек расстройство желудка, и они застряли в отхожем месте, не могут работать. Алиш бей оставил свою работу и отправился к заболевшим, расспросить их об обстоятельствах. Оказалось, что хворь произошла после трапезы. Алиш бей пришел на кухню, подумав, что дело в еде, и подозвал старшего

повара. Повар был высоким, краснолицым, полным мужчиной лет 40-45, он приготовился выслушать указания Алиш бей.

– Что за стряпня была сегодня?

– Пахлёбка. Потом подали жаркое из телятины.

– Мясо и овощи были свежими?

– Конечно, – удовлетворенно ответил повар, положив руку на свой толстый живот. – У нас всегда свежее мясо и овощи.

– Тогда почему рабочих развезло? – Спросил Алиш Керемли, желая узнать его мнение.

– Не знаю, – пожал плечами повар.

– Принесите сюда все что было подано во время трапезы. Дайте отведать.

Они принесли еду. Алиш бей попробовал и сказал:

– Ага. Где вы берете соль? Что это за соль?

– Не знаю точно. Кажется, морская соль, – неуверенно ответил повар.

Алиш бей посолил блюдо и снова попробовал.

– Это некачественная соль. Когда солишь чуток – не понять, а как пересолишь – горчит,

ясно что это не поваренная соль. Ну, всё – сказал он и подошел к своей лошади. И тут же обернулся в сторону повара:

– Я собираюсь решить эту беду с солью. Всего доброго!

Алиш бей сразу отправился в княжеский дворец, не откладывая. Там ему сказали, что Князь в Твери. Он повернул коня и поскакал к дому Митрополита, где обнаружил, что тот играет с внуком. Алексей I поздоровался с Алиш беем и пригласил его сесть рядом с собой:

– Алиш бей, отчего дедушки так любят внучат?

Алиш бей улыбнулся:

– У нас есть пословица «внук – лучший друг». Внук мил, если дед видит в нем себя. То есть внук любим, когда он напоминает деду о собственном детстве.

– Я согласен с вами, да, – сказал внимательно слушавший Алексей. – Что привело вас к нам?

– Сегодня у одиннадцати рабочих разболелся живот, они не могли работать. Причина – плохое качество соли.

– Я понял. Что вы предлагаете?

– Сюда надо доставить настоящую – поваренную соль. Она есть в наших краях, в Нахчыване. Люди из Китая, Индии, Туркестана и Франции приезжают на лошадях, ослах, верблюдах или телегах, чтобы купить соль из Нахчывана за золотые монеты. Было бы хорошо, если бы и вы поступили так же. Вы можете снарядить пять-шесть повозок и привезти соль как рабочим, так и княжеству. Тогда ваше кушанье будет вкусной, и народ не захворает.

– Понятно, - сказал Алексей. – Если вы считаете, что соль так важна, я переговорю с Государем и сделаю то, что вы мне сказали, – пообещал он. Принесли еду, Алиш бей проголодался, они поели и продолжили разговор.

– Раб божий заботится о хлебе насущном, опосля о нарядах? – сказал Алиш бей. – Сперва из дальних земель захаживали за солью: по тем временам, этот путь назывался Соляным путем. В древности соль продавали за золото. Были даже соляные войны. После производства шелка по этому пути стали транспортировать шелк, и Соляной путь стал известен как Шелковый путь.

Митрополит впервые слышал о соляном пу-

ти, поэтому ему было интересно, и он пришел к выводу, что Алиш бей осведомлен о многом.

– Что вы думаете о творении, Алиш бей? – спросил Митрополит, желая продолжить беседу.

Алиш бей несколько задумался, подпер рукой подбородок, прищурил глаза и ответил на вопрос вопросом:

– Святой Отец, вы не сомневаетесь, что люди произошли от Адама и Евы? Ваша и наша священные книги подтверждают это, – внимательно посмотрел он на собеседника.

– Нет, - твердо ответил Митрополит.

– Не сомневаетесь ли вы в том, что после всемирного потопа города и села, даже целый континент остался под водой, что привело к гибели людей?

– Верно, - нерешительно согласился Митрополит.

– После этого потопа все на земле, кроме Ноя и тех, кто находился в его ковчеге, утонули, как люди, так и животные, и выжили только те, кто находился в ковчеге, не так ли? Так где же ступил на сушу Ной? – спросил Алиш бей, и сам же ответил:

– В Нухчыхане. Теперь это место называется Нахчыван. Гробница Ноя находится там. Вы, мы и все человечество распространились по Земле оттуда. Различия в языке, религии, традициях, в цвете волос и кожи сформировались позже, намного позже... Даже алфавит впервые возник именно там, и вместе с людьми распространился по всему свету, называется алфавитом «Гобустан-Гемигая».

Митрополит опешил и задумался:

– Вы имеете в виду, что у нас одни корни? Значит, мы... дальние родственники, да? – сказал он и его глаза расширились от удивления. – Никак не могу поверить, Алиш бей...

– Вы, Святой Отец, несколько в этом не сомневайтесь – это так и было. Как бы сильно мусульмане ни хотели попасть в Каабу, так же сильно все человечество, независимо от языка или религии, должны посетить могилу Пророка Ноя; потому что он – наш общий прадед! Визит в Нахчыван – в это святилище – должно быть целью, устремлением всех людей... – этими словами он еще больше изумил Митрополита Алексия...

ГЛАВА VIII

Алиш Керемли был человеком, который за всем следил и всем интересовался. Он увидел, что большинство населения не заботится о своей чистоте и опрятности. Среди них были и те, кто вообще не ходил в баню, месяцами не умывался – некоторые купались только по праздникам (праздник случался 4 раза в год), другие в кадке, и всё это было не по сердцу Алишу Керемли, потому что его с детства учили мыться каждую неделю и, в конце совершать гусул* и очищаться, обливая голову и плечи водой. Он не мог смириться с тем каким способом местное население удовлетворяет большую и малую нужду. Сходяв по большой нужде, многие подтирались травой, листьями, камнями, куском дерева и т.д., а руки летом вытирали о траву, зимой об снег, и считали, что тем самым очистились. Алиш бей, напротив, после каждого посещения туалета подмывался водой из глиняной афтафы*, вытирал руки полотенцем и

только тогда чувствовал себя комфортно.

Алиш бей прекрасно понимал, как купание и чистота делают человека счастливым, улучшают его настроение и даже повышают его работоспособность. Поэтому он приказал построить для 1500 строителей, бани в двух местах, чьи сточные воды могли бы стекаться в реку, и потребовал, чтобы все рабочие и мастера ходили в бани по воскресеньям. Те, кто поначалу возражали против этого, ленились, хотели избежать купания, увидев чистоту, комфорт и красоту, которую дает баня, стали приходить добровольно и даже брали с собой своих сыновей. Через несколько месяцев в бани стали приходить по воскресеньям мужчины, а раз в неделю их жены с дочерьми. Это вошло в привычку и так возникла традиция мыться раз в неделю...

ГЛАВА IX

Алиш бей очень любил природу. В особенности его привлекали леса, где щебечут птицы, жили зайцы, медведи, кабаны, белки и лисы скрывающиеся среди деревьев, растущие среди кустов грибы и ягоды. Новые идеи и открытия посещали его чаще всего когда он оставался наедине с дикой природой. Поэтому при наличии свободного времени он выходил прогуляться в одиночестве по лесу или вдоль реки, чтобы насладиться природой вокруг Москвы, и найти вдохновение. Был воскресный день. Все отдыхали, и хотя строительные работы были приостановлены, Алиш Керемли бродил по лесу, размышляя над желаемым узором для бойниц, анализируя варианты. Вдруг из ниоткуда на лесной тропинке, прямо перед его глазами, появился огромный медведь. Косолапый отрезал путь Алишу Керемли на лесной тропинке и, встал на задние лапы, желая напасть на него. Алиш Керемли растерялся от появления этого

неожиданного врага, настолько опешил, что даже не вспомнил о висящем на боку кинжале, отступил на шаг, но не убежал в страхе. Он знал наверняка, что если бы еще немного отступил или убежал, то медведь тут же настиг бы его, схватил и переломал бы спину, а затем разорвал на части. Он взял себя в руки, преодолел свой страх и... стал неотрывно смотреть медведю прямо в глаза. Алиш бей был терпелив, старался себя приободрить, не сводя глаз с медведя... Это длилось долго... Медведь наконец устал, убедившись что это странное существо оказалось стойким и бесстрашным, ворча отступил, скрывшись в лесу. После ухода медведя, мелкая дрожь пробежала по всему телу Алиш бея, его бросило в холодный пот. «Что бы случилось, если бы я убежал», - подумал он, и его охватил страх смерти. Алиш Керемли немного выждал, чтобы прийти в себя. Наконец, пересилив себя, поспешно вернулся обратно по той же тропинке. Он сел на своего коня и поскакал обратно. Домочадцы принялись расспрашивать:

– Что случилось, Алиш бей, на тебе лица нет?

И он вынужден был рассказать, что случилось с ним в лесу. Все были поражены и затаили дыхание: «Приключись это с нами, мы бы не смогли выстоять, и, наверное, убежали».

– И это стало бы концом вашей жизни, - ответил Алиш бей, довольный своим поведением. Странно, что в этот момент Алиш Керемли нашел узор, который долго искал, быстро положил перед собой перо и бумагу нарисовал узор, который теперь символизирует Москву, закончив свою работу, расслабился и лег спать удовлетворенный.

ГЛАВА X

Самой любимой племянницей Дмитрия Ивановича была Анна. Они с детства были дружны, вместе играли, гуляли, веселились. И позрослев Князь ни в чём не отказывал любимой племяннице. Зная всё это, Боброк ходил по пятам за Анной, чтобы жениться на ней и утвердиться в княжестве.

Но «человек предполагает, а Бог располагает». После внезапного появления Керемли в Москве, Анна влюбилась в него с первого взгляда, а Боброка она даже видеть не желала.

Чтобы увидеть своего любимого Алиш бея, Анна часто выезжала на стройку, которую рабочие называли «Керемлевский ряд» - «Керемлийский ряд». В работе настал перерыв, и рабочие вместе с мастерами беседовали собравшись у очага.

– Десять дней назад у моей жены начались схватки, – сказал один из рабочих, – ни жива, ни мертва! Уже целые сутки она не могла изба-

виться от бремени, так и ворочалась от боли... Откуда ни возьмись появился Керемли, словно Богом посланный. Я увидел, что он пришел с лекарём самого Князя. Лекарь осмотрел жену, дал снадобье, и она успокоилась. В ту ночь она родила мальчика. Керемли сам заплатил за врача и за лекарства. Если бы не Керемли, возможно, жена бы умерла. Как я могу теперь не уважать и не любить такого человека?

Один из рабочих, слушавший разговор, с пылом вмешался:

– А знаете, что со мной случилось? Вы знаете, 3 месяца назад мне на ногу упал камень и сломал пальцы на ноге. Я пошел к тётё Марусе, она обернула ступню лечебной смесью и сказала, что мне нельзя работать 2 месяца.

Один из рабочих прервал его:

– Это ведь я отвел тебя, мы пошли вместе, и я был там.

– Да... ты прав. Все узнали, что у меня сломана нога и я не смогу работать. Честно говоря, я ждал, что меня позовут и выкинут вон. Но когда Керемли узнал, что это произошло во время работы, знаете, что он сказал? «Ты пострадал на

работе. Мы должны окупить это». Ну и слова?! Ребята, где вы такое видали или слышали? Как будто этого мало, он вызвал повара и сказал: «Отправляй ему домой горячую еду раз в день». Они выплатили мне половину того жалованья, которую я получал во время работы. А наши-то так поступают? Кто-нибудь другой меня давно уволил бы, безработных и так полно в городе.

– Верно, верно, – стали все говорить в один голос. – Керемли очень добрый человек, он ценит работника, он как ангел-хранитель в человеческом обличье.

– За Керемли я даже на смерть готов.

Анне за стеной было очень приятно слышать эти слова, ее уважение и любовь к мужчине, в которого она влюбилась, возросли стократно, она быстро ушла оттуда и полетела на крыльях прямо к Алишу, и обняла его за шею, даже не спрашивая.

– Хорошо, что ты такой, Алиш!

Алиш бей ничего не понял:

– Какой?

– Ты единственный. Второго такого нет, я люблю тебя, твою человечность, твой вкус, твою

мужественность. Я очарована тобой, – шептала она, обнимая его за шею.

Голос ее дрожал:

– Приходи сегодня вечером, я приготовлю тебе сладких булочек. Получив согласие она упорхнула домой как птица, собрала слуг, навела порядок в комнатах, подготовила всё необходимое, отпустила слуг, чтобы испечь булочки своими руками. К вечеру всё было готово. Анна надела новое платье и села перед окном, ожидая своего возлюбленного. Минуты шли как часы, часы как дни. Ей было невмоготу, но она должна была терпеливо ждать, покуда настанет желанный час. Наконец вдали показался белый скакун Алиша Керемли. Он спешился перед окном Анниного дома, привязал вожжи к забору и подошел к двери. Сердце Анны колотилось, как голубка в силке, лицо ее покраснелось от возбуждения, а ноги дрожали. Когда она открыла дверь и впустила гостя, то каким-то образом поскользнулась и готова была упасть, но Алиш бей вовремя подхватил ее, обнял и не дал упасть, но и руки девушки выпускать не стал. Они подошли к накрытому столу. Анна

поставила перед возлюбленным приготовленные блюда и сладкие булочки, и стала кормить его, как ребенка. Иногда и сам Алиш не оставался в долгу. Девушка обернулась, взяла кувшин и налила ему вина, но Алиш бей отказался, чем удивил Анну.

– Я мусульманин, Анна, дорогая, мусульманину пить запрещено. Не пойми меня превратно, ладно? – Алиш пожал Анне руку и уговорил ее.

– Но ты пей, раз хочешь.

– Нет, нет, если ты не будешь пить, то и я не стану, – сказала она, прижимаясь к Алишу. – Я хочу делать только то, что делаешь ты, есть то, что ты ешь, пить то, что ты пьешь, – сказала она, подтверждая свою любовь и уважение к нему. Алиш бей принял это с благодарностью. Он принес подарок возлюбленной, вынул из подмышечного кармана что-то ценное, завернутое в шелковый платок, и показал девушке:

– Анна, это зеркало, оно показывает отражение человека, посмотри-ка, красавица моя! – Он вручил ей что-то изящное, размером с ладонь, ручка и края которой были украшены деревянными узорами. Анна взяла зеркало и оглядела

себя, она очень обрадовалась, обняла и расцеловала Алиша поблагодарив его:

– Я такого еще не видела, это... зеркало такое красивое, бесценный для меня подарок, Благодарю!

Алиш бей начал объяснять:

– Зеркало изобрели в одной из провинций Италии – Венеции, двести лет назад. Сначала пытались изготовить зеркало, полируя медь и серебро, но выходило не очень. Затем, после изобретения стекла, стали делать на его основе, изображение выходило отличным. Зеркало до сих пор охраняется как государственная тайна. Мне подарили это зеркало в Тебризе, и я дарю его тебе на память.

– Каждый раз, смотрясь в зеркало, я буду вспоминать тебя, моего родного Алиша. Я сохраню его на всю оставшуюся жизнь, я буду каждый день разговаривать с тобой в зеркале, - она снова обняла своего возлюбленного.

Затем они отведали изысканных яств на столе, Анна взяла возлюбленного за руку и повела в спальню. На тот момент Анна была 16-летней девушкой, а Алиш бей 46-летним степенным

мужиной. Алиш раздел ее и принес на руках в постель, он целовал, ласкал Анну, словно изжаждавшийся путник в пустыне... Анна стонала, трепетала от сладкой истомы в теле... У нее закатились глаза и... Затем она заснула в объятиях Алиш бея с тем наслаждением, которого никогда не испытывала в жизни...

Алиш бей отчего-то не мог уснуть, перед его мысленным взором одна за другой оживали женщины из его жизни. Он положил голову на руку и задумался, сравнил поведение здешних девушек с поведением девушек в его родном городе. Например, Анна могла прийти к нему в любое время, никого не боясь, не стесняясь, но на родине Алиш бея такое совсем не одобрялось, за такое поведение девушку могли отчитать и поставить запреты.

Выяснилось, что Анна была девственницей и никогда ни с кем не имела связи, но Алиш бей слышал следующие слова о здешних девушках:

- «Сколько тебе лет?
- Тринадцать.
- Когда ты успела?»

Но такие вещи очень важны на Востоке и в

Азербайджане, из-за вопросов чести может начаться вражда, и даже пролиться кровь, может быть убийство. Но здесь? (Требовать девственности от девушек при замужестве на Руси начали только в XVI-XVII веках). Он побывал во многих местах – Багдаде, Тебризе, Индии, годами там жил и работал, был знаком с обычаями, кухней, правилами и... женщинами тех мест.

Он очень хорошо помнил 18-летнюю девушку Халиму – пленную рабыню – с которой сошелся в Багдаде. Девушка была дарована Алиш бею в качестве наложницы халифом Багдада, чтобы та служила ему. Родителей девушки убили во время набега, ее братья, сестры и другие родственники потеряли друг друга и пропали без вести, а красивую и молодую девушку передали Халифу с военными трофеями. Халима была нежной, поэтичной, чуткой и внимательной девушкой. Она играла на уде*, пела своим печальным голосом и впечатляла Алиш бея. На тот момент Алиш прожил с Халимой 2 года, очень симпатизировал и ценил ее. Когда пришло время расставаться, он не женился на ней, несмотря на мольбы Халимы, и не увез ее

на свою родину, потому что у Алиша были семья и дети. Он закончил свою работу в Багдаде и встретился с Халифом. Халифу очень понравились мосты и постройки, и он остался доволен. Рассчитавшись с Алишом Керемли, Халифа спросил:

– Устад, если у вас есть какие-либо просьбы, извольте.

Алиш бей ответил:

– Дай Бог Халифу долгих лет жизни и возможности возвысить свой флаг. Я беспокоюсь только об одном – о своей наложнице Халиме. Если вы соизволите освободить ее от рабства, то я, эта бедняжка, и Бог будут довольны вами.

Халифа понял, кивнул головой и сказал начальнику канцелярии:

– Напиши указ об освобождении Халимы из рабства, принеси, я подтверждаю печатью. Что-нибудь еще?

– Больше ничего, да будет доволен вами Аллах, долгих вам лет жизни! – поблагодарил Халифа Алиш.

Он вернулся из дворца домой, дал Халиме указ, который был скреплен печатью Халифа,

чем очень обрадовал ее. Затем подарил ей дом, в котором жил, и горсть золота.

– Я ухожу, Халима, будь здорова. Отныне ты свободна, хочешь живи в Багдаде, хочешь в другой стране. У тебя здесь и дом и деньги...

У него также был слуга по имени Мустафа, который был на три или четыре года старше Халимы, очень воспитанный, вежливый молодой человек.

Настало время ужина, был накрыт дастархан*. Алиш бей знал, что Мустафа стоит рядом с лошадьми и ждет его. Он послал за Мустафой, чтобы вместе с ним поужинать, до сего дня Мустафа никогда не ел вместе со своим хозяином. Алиш бей силком усадил его рядом с собой. Отужинав, за чаем Алиш бей обратился к нему:

– Мустафа, завтра я возвращаюсь на родину, а когда снова приеду в эти края – одному Богу известно. Слушай меня внимательно: я был во многих частях света, но Багдад – один из самых красивых городов мира – здесь приятно жить.

Насколько мне известно, первая в мире аптека открылась в Багдаде 200 лет назад, с тех

пор росло и население и город. Теперь нужна новая аптека. Я дам тебе денег, завтра сходи и найди Ибн Саида, передай ему мое приветствие, открой аптеку под его руководством, приноси пользу людям. Ибн Саид – знахарь, он хорошо знаком с горами и долинами Багдада и знает все лекарственные растения как свои пять пальцев. Ты мог бы торговать лошадьми и скотом. И не плохо бы прожил, но человеку не следует думать только о себе и своих интересах, мы должны думать и о других людях, о том, чтобы делать добро другим. Самая полезная профессия – врачевание, знахарство. Ты меня понимаешь?

– Конечно, конечно, я вас понимаю.

Как бы тяжело это ни было Алишу Керемли, он посоветовал Халиме и Мустафе жить вместе и благословил их:

– Живите вместе, будьте счастливы. Если у вас родится сын, назовите его Алишем... - он опечалившись стал испытывать непривычные чувства.

Он не мог забыть, как горестно плакала Халима, когда они попрощались... Он быстро вы-

шел наружу. Знал, что мастер Исфандияр ждёт его у дверей. Они сели на лошадей и направились к себе на родину.

Алиш бей почувствовал как увлажнились от слез глаза. Он обернулся и посмотрел на Анну, которая погрузилась в беззаботный сладкий сон, как невинное дитя...

ГЛАВА XI

В подмосковном лесу, в каменоломне, Мехди и его помощник Пантелеймон хорошо организовали работу, но она порой не ладилась, возникали запинки. Мехди-уста сказал Алиш бей за ужином, что «поступление камней из карьера затруднено, что создает простои в закладывании кладки».

Каменосцы по два, а то и три раза в день возили камни. Они уходили до рассвета, и возвращались домой на закате. Привезенные в Москву камни подсчитывались основательно, поэтому никто не жаловался, и все усердно работали. Так в чем была причина задержки?

Алиш бей отложил дела, сел на своего коня и направился к каменоломне в лесу. Дорога проходила через лес. Он следовал тем путем, по которым шли груженные камнями тележки, чтобы все увидеть собственными глазами и знать, где возникает заминка. Он обращал внимание на мягкие, грязные участки дороги с выбоинами и

наблюдал за подъемами и спусками, прикидывая что-то в уме. Наконец добрался до каменоломни. В карьере работало около двадцати человек. Каменщик и его ученики вставляли в трещины цельных черных камней зубила, ударяли по ним кувалдой, разделяли камни, вынимали и отбрасывали в сторону слои камней. Затем эти камни грузили на телеги и увозили в город... Проследив некоторое время за работой, Алиш бей сказал:

– Петр, после того, как вынешь камни, пусть твой подмастерье обточит его каменным топором, потом как камень будет готов для кладки уложите их на земле в ряд. А когда подъедут телеги, грузите; в этом случае камень станет немного легче, и можно будет больше перевозить. А осколки и гравий ссыпьте в ямы и рывины, чтобы тележки не застревали.

– Слушаюсь, так будет намного лучше, – согласился Петр.

Затем Алиш бей последовал за груженными тележками, чтобы узнать, как они проезжают по пути. Он увидел, что впереди два оврага, и при их пересечении телеги медлят, камни подпрыги-

вают, падают вниз, а иногда у телеги даже ломаются спицы... Увидев это, он позвал возницу:

– Как тебя зовут?

– Святозар.

– У тебя есть веревка?

– Есть. Бечевка.

– А ну, дай-ка.

Он протянул бечевку Алиш бею и стал с интересом смотреть, что тот собирается делать. Алиш бей привязал бечевку к одной стороне тележки, перекинул ее через камни, привязав другим концом к противоположной стороне, а затем натянул ее и прикрепил к задней части телеги. В результате нагруженная камнями повозка стала компактней.

– Давай, по коням! – подал команду Керемли. Повозка тронулась с места. Впереди ждало самое трудное место. Алиш бей встал и стал наблюдать, желая увидеть, как телега преодолеет это препятствие.

Когда запряженная лошадьми телега вошла в канаву, ее сильно раскачало, но камни не упали. Святозару достаточно было слегка отконтро-

лизовать движение и в результате они благополучно продолжили свой путь.

Он оглянулся. Алиш бей все еще смотрел вслед за ними. В знак признательности Алиш бей Святозар снял шапку и слегка поклонился...

ГЛАВА XII

По словам людей, в «Керемлинском ряду» работа шла полным ходом: мастера и рабочие строили стены, готовили глину, Мехди уста и Алиш бей закладывали кругом бойницы, никому не доверяя самые важные участки. В трудах прошли весна и лето, к концу осени были сформированы внешние стены, а башни и бойницы начали приобретать приемлемый вид. Верхние части крепостных стен были окаймлены локтеобразными вертикальными выступами, что придавало дополнительное величие крепости и бойницам – всё это являлось архитектурным открытием Алиша Керемли. Общая длина стен замка составляла 3,4 минара*, толщина – 1,2 аршина, высота – 5,7 аршина. Все стены, бойницы и башни были отстроены за год. В следующем году Алиш Керемли построил во дворе площадью 175 гектаров княжеский дворец, церковь, церковные резиденции и жилые дома для бояр, а затем перешел к подсобным постройкам. Подземная часть здания и стены крепости, а также

наземная часть высотой в два человеческих роста были отстроены из цельного черного камня – эти камни были очень устойчивы к воде и влаге, но на верхних этажах не годились, потому что в этих краях с холодными зимами не получилось бы отапливать жилище. Что делать? Алиш бей стал искать белый камень, который нашел под Москвой, и хотя считал его пригодным для использования в строительстве, он ему что-то не понравился.

Каждое утро в начале дня все рабочие собирались вокруг своих мастеров и их руководителей – Панкрата, Авдея, Елизара, Ахмед-Бика, Лазаря, Хузан-Булгара и Кирилла, получали указания от Алиш бея и возвращались к своим делам – словно воинская рота.

Алиш бей оглядел рабочих и заговорил:

– Ребята, мы уже закончили стены замка, бойницы, и заложили фундамент всех построек во дворе. Нам сейчас больше нужны кирпичи, нежели черный камень. Теперь нам нужны жженные кирпичи, понимаете? Если есть жженный кирпич, летом в домах будет прохладно, а зимой тепло. Вчера мы с Кириллом нашли в За-

речье настоящую глиняную почву, из нее получатся хорошие кирпичи, – сказал он, вынимая из кармана горсть земли и показывая ее рабочим.

– Теперь осталось привезти ее оттуда. Как привезти?

Среди рабочих разгорелся спор:

– Чтобы попасть туда, нужно перейти реку. Как мы сделаем это?

– Надо сделать плот, на каждый плот поставить конную повозку и перевезти на эту сторону...

– Да разве это возможно?

Алиш бей позволил каждому высказать свое мнение.

– Ребята, если мы на плот поставим конную повозку, лошадь вспугнется и упадет в реку, работы станет вдвойне, потеряем время – это не умно. Лучший выход – найти простое и понятное решение. Давай сделаем так:

– Пусть люди Елизара вскопают и приготовят землю в Заречье, и Авдей наберёт ее в мешки, а Панкрат со своими людьми перевезет мешки с одного берега реки на другой, Лазарь же довезет на телеге до печи. Понятно? Пусть подготовят

подручные средства: лопаты, мешки, телеги. Потом... не будем забывать о строительстве деревянных мостов на обоих берегах реки, этим займется Хузан уста. Остается только обжечь кирпичи. Мехди уста, Ахмад-Бика немного в кирпичях разбирается; научи его делать глину, сколько добавлять песка и как обжигать их в печи. Добре? Я и сам туда приеду. Если следовать всем правилам, эти кирпичи, вероятно, прослужат тысячу лет. Да, надо еще наколоть дров и построить печь с дымоходом, Мехди уста займись этим лично. Кому есть что сказать?

– Керемли, все ясно, - сказали все в один голос.

– Ай да, мужики, за работу!

Через несколько дней привезли глиняную почву, необходимую для обожженных кирпичей, построили печь и дымоход, накололи дров, и начали обжигать кирпичи, которые вызвали большой интерес у жителей Москвы. С тех пор в русский язык перешло слово «кирпич», которое до сих пор используется в языке местного населения...

ГЛАВА XIII

Прошло два с половиной года. Благодаря упорному труду на стройке в Москве уже была проделана большая работа; была заложена кладка некоторых зданий, а другие оставалось только достроить. Был конец осени, дни становились все короче и холоднее. Алиш Керемли старался закончить работы с наружной части зданий, чтобы зимой можно было заняться внутренним пространством.

У него оставался еще один план, поэтому он попросил о тайной встрече в Палате с участием Дмитрия Ивановича, Алексия I и Боброка. После того, как все собрались, Алиш бей взял слово:

– Хочу рассказать вам о подземных дорогах Москвы. Это должна быть гражданско-военно-стратегическая дорога, которая проходит под Москвой-рекой до реки Яузы с разветвлением в трех направлениях. В случае опасности таким способом могут бежать в лес люди княжества и даже население.

Все обратились во внимание, можно было услышать как пролетела муха. Алиш бей продолжил:

– Эта дорога должна быть секретным туннелем, высотой в рост человека, построенным из камня, по которому течет поток воды – мы называем эту дорогу гат-гат кёмбэ*. Арык будет одновременно отводить сточные воды живущих здесь людей, и освежать воздух в туннеле, чтобы те, кто пользуется этой дорогой, не задохнулись. Это очень важный вопрос, к тому же государственная тайна, и чтобы сохранить эту тайну, господа, я предлагаю выбирать рабочих из числа глухонемых. И когда работа будет сделана, я думаю, что, следует отправить их в далёкие от Москвы сёла, дать им землю и помочь жениться, таким образом мы дадим им поскорее обо всём этом забыть, – сказал Алиш бей, как всегда, коротко и сжато.

Все задумались. Действительно, этот вопрос представлялся крайне важным.

– Алиш бей, - сказал Дмитрий Иванович, – вы поистине великий зодчий и умелый строитель, вам нет равных на земле! Это защитит нас,

наши семьи, Московское княжество – благодарствуем. Я не думал так глубоко, не представлял этой стороны вопроса. Ей-богу, я вами восхищаюсь!

– Мы должны воплотить эту мысль в ближайшее время, это жизненно важно, - сказал Митрополит Алексей I.

– Я подготовил проект, и, если Дмитрий Иванович одобрит, мы начнем завтра отбирать глухонемых людей среди жителей.

– Непременно глухонемых? – спросил Боброк, прерывая разговор неприятным чванством. – Какое значение имеет для Государя отсутствие сотни рабочих?

Наступила тишина. Алиш бей ждал, что кто-нибудь ответит Боброку, но все молчали.

– Если можно обойтись без крови, без насилия, зачем делать это ценой чьей-то жизни? Если вы заплатите рабочим после завершения работы и увезете их отсюда, если вы, как я уже сказал, дадите им участок земли и поможете жениться, все будет хорошо.

Дмитрий Иванович одобрил проект подземных дорог, предложенный Алишем Керемли.

– У Мехди уста родился сын, – сказал под конец Алиш бей, – в январе ему будет 2 года, поэтому он тоскует по дому. Если вы позволите, мы бы оба отправились в путешествие на родину зимой, как только всё тут наладим...

– Конечно, конечно, - тут же сказал Князь, – сходите навестить свою семью, отдохните немного.

– Ваши мастера и рабочие уже наловчились работать, они справятся и без нас. Что до катакомбы... Думаю, к нашему приезду вы закончите ее строительство, – сказал зодчий, обеспокоенно глядя на Боброка.

Через месяц Алиш бей и Мехди уста уехали на родину. Они поехали из Москвы в Нижний Новгород, где сели на корабль и достигли Астрахани. В Астрахани пересели на лошадей, перешли Хазарский каганат и достигли Бадукубы*, а оттуда прибыли в родную Шемаху. После двухмесячного отпуска им предстояло возвращение в Москву...

Каждый вечер приходили в гости родственники и соседи, задавали бесконечные вопросы о

далекой стране, тамошних людях, о том, что те едят и пьют.

– Зима у них долгая и снежная. Сами они живут в избах и срубках с треугольной крышей. Едят свинину и пьют вино. Люди светловолосые, очень жилистые. Я и сам жилистый, но с ними не сравнюсь. Мы много хлеба едим, а они все едят...

ГЛАВА XIV

Монголо-татары, какими бы жестокими и беспощадными ни были, проявляли милосердие к духовенству. По указу Хана, ни русские, ни монголо-татары не могли притеснять верующих. Никто не имел права получать дань от церкви; это очень положительно сказалось на расцвете религий и религиозном единстве народов на русских землях. Чего хотела Золотая Орда? – Послушания и тамги; монголо-татары не беспокоили княжества, соответствующие этим двум условиям, и не вмешивались в их дела.

Интересна традиция создания новых городов и деревень в то время, когда все зависело от Кызыл Орды: какой-нибудь священнослужитель строил простую деревянную церковь или монастырь на придорожной равнине, в лесной степи или у реки. Он благоустраивал близлежащую территорию, сажал зерно и другие посевы, закладывал дорогу... Постепенно вокруг церкви открывались ремесленные мастерские, строи-

лись дома, и создавалась деревня. Один из видных деятелей Русской Православной Церкви Отец Сергей, также построил церкви со своими учениками в нескольких местах, а позже там были образованы поселения, некоторые из которых стали городами. Простая, бескорыстная, подвижническая жизнь Отца Сергия, сильная религиозная вера и искренняя преданность Богу принесли ему авторитет и известность на Русских землях. В последующие годы эту традицию продолжили его ученики и последователи. Если бы у монголо-татар не было этой доброты и уважения к другим религиям, то не было бы сейчас в мире ни русских, ни православной веры...

ГЛАВА XV

Митрополит и Великий Князь сидели в Палате и беседовали. Сначала они обменялись мнениями о строительстве дворцового комплекса в Москве, а затем о путях укрепления Московского княжества. Алексей I сказал:

– Государь, для этого надо исполнить завет вашего покойного деда. Он говорил: «Ежели мы хотим сделать Москвию великогомучей на Руси, то мы должны сделать ее религиозным очагом славян». Именно поэтому Иван Калита сначала перенес кафедру из Владимира в Москву – много сил, и затрат это стоило – один Бог ведает! (В 1325 году митрополит Петр согласился перенести кафедру древнего Владимира в Москов-град, небольшое, но более безопасное место, построенное из дерева. Отец Петр подружился с Иваном Калитой и стал его мудрым советником). С трудом он привез из Твери Святой Колокол – я вам докладывал о значимости этого колокола. Вы знаете, сколько войн было тогда между Тверью и Москвией. Этот нерусь выдал

свою сестру за немца, поклонился ему, чтобы пойти на Москву с его войском... Он убил наших крепостных, остальных увел в плен, сжег дотла дома, разграбил наш скот и имущество... Монголо-татары не были столь жестокими как этот Гедемин – Гедемин Литовский! Правда, и мы не остались в долгу, но... Хочу сказать, что для того, чтобы сделать Москов-град великодержавной, нужно перенести Патриархат из Владимира в Москву. Тогда все станут поклоняться ей – этого и желал Иван Калита. Он не смог этого сделать, он завещал нам, и с Божьей помощью мы исполним волю Великого князя. Аминь!

– Но разве пойдут на это киевляне? Обязательно будут кровопролитие и резня.

– Надо это сделать, но без кровопролития, - многозначительно добавил Алексей. – Что ж, Киев сейчас в руках врага, он переходит из рук в руки. Надо постараться удержать врага в Киеве надолго.

– Почему? – удивился Дмитрий Иванович.

– Вот почему. Пусть все – Патриарх, епископы и народ – увидят, что в плененном городе патриархат не управленец. Только тогда мы

можем достигнуть соглашения о его переносе в Москву. Иначе это – закончится бойней. Помните, Государь, в прошлом году Киевский Князь прислал к тебе аманат* брата и сына?

– Да, помню. Чего он хотел?

Алексий язвительно засмеялся:

– А чего еще хотеть? Злата и воинов. Конечно, мы им ничего не дали. Помните, тогда вы укоряли меня?

– Верно. Ведь они такие же славяне, как и мы, они наши братья по крови. Нам нужно было им помочь.

Алексий сердито сказал:

– Простите, Дмитрий Иванович, а зачем им помогать? Они очень отличаются от нас, хотя говорят на том же языке, что и мы, и исповедуют ту же религию; дух и сердце киевлян отличны от наших, их очи и власа не похожи на наши. Их кровь подпорчена, в их жилах течет тюркская кровь. Понимаете? Государь, пожалуйста, не забывайте этого!

Наступила пауза, и Алексий быстро переменял тему:

– Государь, я отправил весточку Патриарху. Он прибудет сюда через 2-3 дня. Как известно, большую часть времени он проводит в русских княжествах, в основном в Новгороде или Владимире. Пусть приедет посмотреть недавно построенную церковь, монастырь и хаты. Мы отдадим их Патриарху и назначим ему жалование из казны, соблазним навсегда остаться в Москве.

– Похвально! Сделать это вместе будет несложно. На Руси начинается новое летоисчисление, Святой Отец!

– Верно, - сказал митрополит, удовлетворенно перекрестившись.

Патриархат Всея Руси

1. Новгород – 862-892 (30 лет)

2. Киев – 892-1240 (348 лет).

После того, как Золотая Орда разрушила Киев в 1240 году, Патриархат был передан Владимиру.

3. Владимир – 1240-1325 (85 лет).

4. Москва – 1325-2022 (697 лет).

Патриархат Москвы и всея Руси является религиозным центром всех россиян на протяжении 697 лет.

ГЛАВА XVI

Было 23 марта, строительные работы были завершены, остались только уборка и чистка. На стенах крепости, построенной по проекту Алиша Керемли, имелось пять башен; оставалось только дать им названия. На ужине присутствовали Дмитрий Иванович, Алексей I и Анна, шло обсуждение. Митрополит предложил назвать башни именами библейских святых:

– Думаю, главная башня должна называться Спасской, другие: Троица, Никола, Боровица. Я пока не могу определиться с названием пятой башни.

Анна не упустила возможности и тут же сказала:

– Давайте назовем эту башню именем Алиша Керемли!

Государь и Митрополит несколько растерялись от этого неожиданного предложения.

– Справедливости ради, Алиш бей это заслужил. Он проделал для нас, для Москвы невероятную работу. Теперь мы будем жить в таком вели-

колепном дворце, сможем защитить себя от врагов. Сделаем это в знак признательности ему, дядя! Весь город, особенно мастера и рабочие, будут Вами очень довольны, - умоляюще сказала Анна 19-летнему дяде, другу детства Дмитрию Ивановичу, беря того за руку.

Государь очень любил свою племянницу Анну, и исполнял все её прихоти, но сейчас колебался и не мог принять решение. Он посмотрел на Митрополита:

– Что скажешь батюшка?

– Государь ведает, - сказал он, пожимая плечами.

В конце концов, все согласились назвать пятую башню «Башней Алиша Керемли». Анна была очень счастлива, поцеловала дядю и пылко поблагодарила.

ГЛАВА XVII

«Благословен твой наставник!»

Поговорка

Ровно через четыре года, 25 марта 1371 года, в День Благовещенья, в Москве состоялось торжественное открытие Княжеского дворца. Великий князь Дмитрий Иванович, митрополит Алексий I, Патриарх Владимирский и всея Руси, преемник Хана – сборщик подати татарин Бурхан, родственники Дмитрия Ивановича, Боброк, иностранные гости, послы, именитые князья, воеводы, Алиш Керемли, Мехди уста и все мастера, рабочие, члены их семей, родственники, соседи – все жители города собрались на открытие. Деревянное ограждение, окружавшее здание, был снят, а дворец, заборы и башни сияли во всей красе, величием и элегантностью в лучах весеннего солнца, приводя всех в восторг. Люди не отводили глаз от этого чуда архитектуры, гладили камни и кирпичи руками, не могли поверить своим глазам. Офи-

циальное открытие состоялось в десять часов. Сначала заговорил Дмитрий Иванович:

– Сегодня исторический день, праздник для нас, для Москвы и княжества. По этому случаю поздравляем всех: высоких гостей, мастеров и рабочих, и горожан, особенно всеобщего любимца Алиша Керемли, и премного благодарны ему за эту жемчужину строительного дела!

При упоминании имени Алиш Керемли последовали бурные аплодисменты.

– Мы решили назвать башни княжеского дворца: Спасск, Троицк, Никола, Боровица, Керемли. Когда Государь сказал: «Башня Керемли», толпа громко и продолжительно зааплодировала, закидывая шапки в воздух. Затем Дмитрий Иванович снял с пальца очень ценное кольцо с черным бриллиантом и надел на палец Алиш бея. Снова слышались рукоплескания и шум толпы. Затем Алиш Керемли обошел все здания, церкви и дома, показывая их гостям и давая объяснения. Все с восхищением смотрели на здания, стены, двери, окна и изумлялись.

Боброк подошел к Дмитрию Ивановичу и выразил свою ненависть:

– Видите, Государь, подданные любят басурманина* намного больше Вас!

Церемония закончилась через 4 часа. Все разошлись по домам, у всех на устах, в каждом доме звучало слово «Керемли, Керемли»...

Двумя днями позже Алиш Керемли и Мехди уста встретились с казначеем княжества. Оказалось, что не хватает золотых монет для оплаты их труда. Алиш бей потребовал: «Заплатите Мехди уста сполна, а мне столько, сколько есть». Вечером того же дня было подписано соглашение между Государем и Алишем Керемли. Согласно договоренности, архитектор возвращается в Шемаху, а в Москву должен был приехать в конце весны, получить зарплату и принять участие на банкете в его честь.

На следующий день Алиш бей и Мехди уста направились домой.

– Учитель, пророк Мухаммад (мир ему и благословение) сказал: «Заплатите рабочему, пока не высохнет его пот», а русские... Мне совсем не понравилось их поведение, они мухлюют, не хотят платить, а деньги у них есть, – выразил свое недовольство Мехди.

Такого никогда не случилось ни в одной другой стране, и Алиш бей был смущен. Он ехал на своей лошади, не говоря ни слова. К вечеру они достигли караван-сарая и отдохнули. После ужина Алиш бей сказал:

– Ты знаешь, что числа 5, 7, 8 и 9 – сакральные числа. Алиш бею явно хотелось высказаться. Мехди сосредоточился.

– Я, как того хотели русские, спроектировал «Керемли» с пятью углами, а все заборы, крепость, башни и здания построил так, чтобы их было хорошо видно с неба и оттуда покровительствовать.

– Что вы имеете в виду? Я не понимаю.

– «Керемли» будут защищать не только живущие там люди, но и с неба.

– Действительно? Почему вы это сделали? Они даже не расплатились с нами должным образом.

– Прояви дальновидность, Мехди. Деньги приходят и уходят, а строения остаются. Я построил его и для увековечения своего имени. Это мой след на земле, моя память, понимаешь? Наш устад Аджами Нахчывани создал мавзолеев

Момуна Хатун как произведение искусства. Тот мавзолей – памятник Аджамии Нахчывани, а «Керемли» – памятник мне. Короче... Мы создали красивые памятники зодчества в нескольких городах по всему миру. Но есть ли у нас на родине величественное здание, в память о нашем имени? Этот вопрос беспокоит меня. В моей жизни осталась одна мечта, Мехди: построить великолепный королевский дворец в Шемахе! Он должен быть чуть больше топча в Тебризе и меньше «Керемли». Я приглядел для него место над Шемахой, на равнине среди холмов. Как только приедем домой, встречусь с Ширваншахом и выскажу ему свое мнение. Думаю, он согласится. Вложу в эту работу 20 000 золотых монет, которые мне полагаются. Внутри стен замка на 5-6 гектарах я посадил бы фруктовые деревья, цветы со всего мира и выращивал бы там красочных птиц и животных. Если я смогу это сделать, значит я – счастлив.

– Я тоже вложусь, и ребята тоже. И мне это по сердцу, Устад, – сказал Мехди в знак солидарности.

ГЛАВА XVIII

Великий азербайджанский архитектор Алиш Керемли был предательски убит. Интересно, кто это сделал, кто за этим стоял?

...Детство Ашота прошло в Борчалинской котловине, там он и вырос, но никто не знал, откуда они здесь появились. Большинство местного населения составляли тюрки, остальные – грузины, греки, называемые берзанами* – среди этих детей и вырос Ашот и потому очень хорошо выучил турецкий и грузинский языки; среди грузин называл себя Шотой, среди тюрков Аразом.

Его отец был слугой Музаффар-аги, мать была служанкой, отвечавшей за уборку, а сам он пастухом, который пас овец и ягнят ага.

Ага был плотным, усатым смуглым мужчиной среднего роста, 40-45 лет. Музаффар-ага занимался овцеводством, у него было три отары овец, имение, садовые участки и зерновое поле. По пятницам он устраивал петушиные, козлиные и бараньи бои на окраине села, науськивал

собак друг на друга, делал ставки на эти бои и развлекался. Его фаворитом был Черный Овен, которым он дорожил не меньше сына. Черный Овен родился от горного овна, его толстые, выющиеся рога, его грозный взгляд и большое тело наводили ужас на тех, кто его видел. Каждую неделю, когда побеждал Черный Овен, Ага собственными руками кормил его изюмом, орехами и наслаждался этим. Этот мужчина был в некотором роде бабником, и хотя у него было две жены, он иногда развлекался с матерью Ашота, спал с ней, о чем все в деревне уже знали. Парни приставали к Ашоту, высмеивали его, унижали...

Однажды Черный Овен исчез! Так и не нашелся, где бы его ни искали. Ага от горя рвал на себе волосы! «Я не горевал бы так сильно, если бы потерял целое стадо или умер бы мой сын Агамирза. Кто принесет весть о Черном Овне, получит от меня 10 овец. Ну а если кто-нибудь, не дай Бог, убил его, то, клянусь, я запущу тому в глотку живую змею!», – закричал он. Все знали, что Ага человек слова раз сказал, то сделает непременно!

Услышав эти слова Ашот пришел в ужас и понял, что «тиски» сжимаются, его тоже подозревают. Он был очень робким и пугливым ребенком, особенно боялся змей, поэтому решил сбежать. Днем было очень жарко, и все разошлись по домам. Ашот вышел на улицу и посмотрел на двери соседних домов, обычно хозяева привязывали коней за узду к дереву у порога. Выбрал молодого коня, бросил ему на спину седло, затянул удила, и... помчался не оглядываясь. Достигнув реки Куры, он начал скакать вдоль реки вверх по течению, миновал две деревни и доехал до Тифлис. Он не стал там останавливаться, а поскакал дальше, прочь от деревни, страшась гнева Музаффар-аги. Кое-как переночевав, на следующий день встретил караван, присоединился к нему и отправился в чужие страны и, наконец, прибыл в город под названием Москва. У него не было денег, он продал коня Аббас киши и прокормился какое-то время, иногда приворовывал или работал разнорабочим, сводил концы с концами помогая торговцам. В итоге... он был привлечен к сети Боброка и стал его шпионом. Вскоре Ашот

стал одним из ближайших людей Боброка, усердно выполняя все его поручения.

Лето 1371 года только началось. Боброк позвал его к себе и сказал:

- Ты знаешь Керемли?
- Конечно! Его знает вся Москва.
- Он недавно вернулся сюда.

Ашот наострил уши. Боброк стиснул зубы, прищурил глаза и придал странный тон голосу:

– Он не хочет возвращаться на родину, хочет остаться на этих землях навсегда, ты меня понимаешь? – сказал он, прищурившись, и вперив взгляд в глаза собеседнику. Ашот растерялся, боясь и Боброка, и тех, кто любил Алиша Керемли. Но он также знал, что не может перечесть своему хозяину, он знал, что...

Боброк

– Сегодня на девятой версте дороги Москва-Смоленск в лесной поляне пройдет прощальный вечер Алиша Керемли. Иди туда и реши этот вопрос! Понял? Это очень важно! – сказал страж порядка, подняв указательный палец.

Боброк пошел в заднюю комнату, вернулся с мечом и мошной с золотыми монетами, положил их на стол. Ашот все очень хорошо понял, тихонько взял золото, меч и вышел через дверь. Там его ждала оседланная лошадь, он сел на коня и поскакал в лес. Добравшись до лесной поляны, увидел красивое пиршество. Это был блистательный пир: именитые бояре, религиозные служители, послы, Анна ханым, Гафур бей, мастера и рабочие, которые четыре года работали с Алишем Керемли бок о бок и многому у него научились. Отсутствовали только Князь и Митрополит. Сообщалось, что «Князь болен» и что «у Митрополита очень важные дела». Повара княжеской кухни готовили разнообразные блюда, лакеи несли эти яства на стол, музыканты весело играли и пели, девушки танцевали, кравчие разносили вино – все собравшиеся были пьяны. Ашот подошел к Алишу Керемли и

завоевал его доверие, заговорив на чистейшем тюркском языке. Как не пригнуться к человеку, который на чужбине говорит с тобой на родном языке? С другой стороны, Алиш бей не пил вина и потому скучал, не находя общего языка с собравшимися. Поэтому он с радостью согласился прогуляться по лесу с человеком, которого он только что встретил, своим соотечественником по имени Араз. Они ушли от стола и продолжили разговор. Вдруг, когда Алиш Керемли совсем этого не ожидал, Ашот напал на него сзади и ударил острым мечом по шее. Бедный Алиш бей упал, теряя сознание и погиб на чужбине – это произошло 22 июня 1371 года. Ашот снял драгоценное кольцо с пальца Алиш бея, быстро сунул в карман и вскочил на лошадь.

...Все это происходило на глазах надежного казака-атамана, посланного Боброком; он немедленно поскакал доложить своему господину.

Уловив отсутствие Алиша Керемли, собравшиеся начали поиски и нашли его тело. Все переполошились! Прибежала Анна, а когда увидела тело своего возлюбленного, упала без

чувств. Ее привели в себя плеснув в лицо водой, она смотрела затуманенным взором, ничего не понимая... Потом Анна заплакала, слезы лились потоком, она не могла поверить, что потеряла самого любимого и милого человека. «Зачем убили Алиша, зачем же?» – не переставала она задаваться вопросом, но не могла найти ответа. В голове немного прояснилось, она взяла себя в руки и начала думать логически: «Кто мог это сделать? Кто осмелился это сделать? Ведь все любят Алиша, у него нет врагов?» Внезапно ей вспомнился Боброк: «Ах, это сделал тот мерзавец! Сам он на это не решился бы, потому что Алиш Керемли – человек исключительный, он имеет звание боярина, вдобавок Князь взял его под свою защиту. Значит, в этом деле замешаны и дядя и Боброк. Мерзавцы!» Она их ненавидела до глубины души, стенала и проклинала – дядю Дмитрия Ивановича, Боброка, Митрополита...

Собрались люди и похоронили Алиша Керемли. Анна уехала в Пензенский монастырь, приняла постриг и стала монахиней и всю

жизнь ухаживала за могилой своего возлюбленного Алиша Керемли...

На попытки родителей, дяди и подруг увезти ее в Москву она отвечала горькими слезами и ненавистью...

ЭПИЛОГ

Да, зодчий Московского Кремля Алиш Субхан оглу Керемли (Шемаха, 1322–1371, Москва) был вероломно и зверски убит в возрасте 49 лет. Какова была цель этого убийства? Видимо, русские не хотели, чтобы такое великолепное строение было названо в честь человека другой национальности и вероисповедания. Время от времени они делали все возможное, чтобы вычеркнуть из истории Алиша Керемли как основателя Кремля, но не смогли стереть его из всеобщей памяти. Есть некоторые источники, подтверждающие, что Алиш Керемли был архитектором Кремля и что слово «Кремль» образовано от его фамилии. Например, в историческом романе Сергея Бородина «Дмитрий Донской» (1939) Алиш Керемли изображен как уроженец Шемахи, мусульманин, которого звали зодчий Алиш (шамаханец, басурман, зодчий Алис), но, почему-то, фамилия его не указана. Почему? Потому что, будь упомянута его

фамилия, не осталось бы никаких сомнений в том, что именно Алиш Керемли являлся кремлевским архитектором. Ни Сталин, который был враждебно настроен по отношению к тюркам, ни российский КГБ, не допускали этого. Приказ убить его мог быть мотивирован завистью, видимо потому, что они не хотели, чтобы Алиш Керемли построил более красивый дворец в другой стране. Подобные события происходили во многих местах на протяжении всей истории.

Алиш бея настолько любили коллеги и простые москвичи, что стали именовать построенный им комплекс именем своего создателя (русские обычно называют по фамилии) и тем самым воспрепятствовали его забвению. Хотя этого нет в официальных источниках, люди увековечили слово «Керемли» на своем родном языке, в своем собственном лексиконе. Все: москвичи, гости города, послы, дипломаты на протяжении 400 лет знали этот комплекс под названием «Керемли», а позже он принял форму «Кремли» и только в XIX веке стал именоваться как «Кремль». Его именем названа одна

из пяти башен Кремля. В цивилизованных странах архитектору ставили памятник или бюст, говорили о нем с благодарностью, но в России случилось иначе: в августе 1556 года Иван Грозный IV сфальсифицировал исторические факты и издал указ о переименовании «Керемлинской башни» в «Водовзводскую».

В «Истории Российской Империи» И. Карамзина и других официальных источниках вы не найдете ничего о зодчем Кремля. В 1997 году, на 850-летнем юбилее Москвы, ни президент России, ни мэр Москвы, ни кто-либо другой говоря об истории Москвы, почему-то не упомянул ни слова о создании Кремля и его архитекторе. Проявляя неблагодарность и отступничество русские, игнорируя договор, обещания и правила гуманности, все еще пытаются отрицать, что Алиш Керемли является архитектором Кремля, возмущаются при упоминании его имени, потому что не хотят правды...

Спустя годы постройки, похожие на комплекс Алиша Керемли, появились в Казани, Праге, Смоленске и Новгороде, но ни одна из них не смогла достичь высот этого бессмертного

храма зодчества, который оглашал мир своим величием, красотой и великолепием.

У каждого города есть свой символ: Эйфелева башня в Париже, Белый дом в Вашингтоне, Девичья башня в Баку, Московский Кремль и т.д. Какое же монументальное произведение создал наш гениальный архитектор, которое даже по прошествии веков сохранило свою значимость, оставаясь нетронутым!

Есть два слова, которые очень дороги русским: Москва и Кремль – оба слова тюркского происхождения: Москва возникло от слова Масих оба, а Кремль от слова Керемли. Кто имеет научное и убедительное опровержение, пусть опровергнет эти аргументы.

Для нас, соотечественников Алиша Керемли, очень важны его имя и наследие. Мы должны постоять за нашего гениального архитектора, изучать его наследие, воздвигнуть ему памятник в Баку, написать о нем книги, снять о нем фильм – мы должны им гордиться! Наконец... Надо поставить вопрос перед Президентом России, и добиться того, чтобы «Водовзводская» обрела свое истинное название – «Башня Алиша Керемли»!

Баку, 2014-2021 гг.

ДАР ГОСПОДА

*«Если Аллах пожелает одарить человека,
то и на холме Мурсал это сделает»*

Поговорка

В начале XIX века, еще при царе Николае в одном из сел Нахчывана жил мужчина по имени Джамшид, лет тридцати шести – тридцати семи. У него было четыре дочери, три сына, да еще девяностолетняя бабушка на попечении. Ему с трудом удавалось прокормить семью. Жили впроголодь. Так трудно жилось, что порой хотелось руки на себя наложить, не знал, как быть. Крутился, вертелся, думал...

А с другой стороны из Баку приходили странные вести, мол, будто чья-то скважина зафонтанировала, и какой-то голодранец за один день превратился в миллионера. Короче, работы много, житье хорошее... Один из приехавших из Баку вчера в чайхане рассказывал такое, что совсем сбил с толку Джамшида. Он пришел домой, «положил перед собой папаху», долго

раздумывал, в конце концов принял решение поехать в Баку, может там удастся подзаработать на пропитание семьи. После того, как дети заснули, позвал жену:

– Дочь Сеида, такая жизнь хуже мук ада, работы нет, полно забот, денег ни гроша. Ну до каких же пор мы будем жить хуже собаки? Гюлли, слава Богу, уже пошел двенадцатый год, не успеем оглянуться, уже сваты постучатся в нашу дверь, а чтобы свадьбу справить, у нас ни черта нет. Даже блохам поживится нечем. Ты же знаешь, как я люблю детей, а сделать для них ничего не могу, потому переживаю, душа разрывается. Днем в чайхане сидел один приехавший из Баку, говорит, что там есть хорошая работа, можно заработать. Хочу поехать пару лет поработать... Потом вернусь, что скажешь? – сказал и кротко взглянул на жену. Зохра опустила голову, задумалась. Потом глухо проговорила:

– Что я могу сказать, Аллаху виднее. Ты мужчина, тебе решать...

Джамшид встал спозаранку, надел чарыки*, подвязал онучи, положил под кушак три лепешки и с именем Аллаха пустился в путь. При-

шел на железнодорожный вокзал Нахчывана. Денег не было, потому в товарном вагоне по Тифлисской дороге кое-как добрался до Баку...

Джамшиду казалось, что в Баку деньги, подобно листьям, валяются на улице, только веника не хватает. Вскоре понял, что ошибся, но возвращаться было стыдно. Куда только ни обращался в поисках работы? Но нигде работу по душе не мог найти. То на одном промысле работал, то на другом, то чернорабочим был, то возничим, то садовником, то дворником. Короче... За два года без выходных, без праздничных дней вкалывал, но ничего накопить не смог. Вдобавок обносился, похудел, заболел, постарел...

Был разгар армяно-мусульманской войны. Армяне захватили двести человек, и Джамшид был среди них, двадцать дней голодными продержали взаперти. В детстве Джамшид, когда поднимались в горы, вместе с армянскими детьми пас ягнят и неплохо знал армянский. Потому-то когда армяне говорили о том, что хотят всех пленных сжечь живьем, понял и передал товарищам по несчастью. Они посовето-

вались, сняли рубашки, привязали друг к другу и ночью через дымоход выбрались и сбежали.

Все надежды Джемшида на Баку растаяли; подавленный, испуганный, он пришел на железнодорожный вокзал, спрятался в товарном вагоне и, не солоно хлебавши, воротился в Нахчыван. Добрался до Нахчывана под вечер, до сумерек оставалось еще три-четыре часа. Выйдя с вокзала, направился к родному селу. Через город не пошел, чтобы случайно не встретить знакомых людей. В таком виде был, что днем входить в село постеснялся, направился к расположенному недалеко от села холму Мурсал. Найдя там неприметное место, присел. Был он расстроен и опечален... Не приведи Господь никому из мужчин стыдиться появляться перед семьей, детьми. Бедняга Джемшид шел к детям, за которых готов был отдать даже жизнь свою, с пустыми руками, но ноги не шли... Вдруг прослезился, взрослый мужчина заплакал навзрыд, через некоторое время успокоился, руками вытер слезы, стал уповать на Аллаха. Он задумчиво ковырял землю палкой. Вдруг палка обо что-то зацепилась. Подумал, что это камень. От

нечего делать стал откапывать камень, земля осела, и... показался узорчатый кувшин. Джемшид сосредоточил все внимание. Быстро стал откапывать кувшин руками, всю землю вокруг него расчистил. Нашел камень и разбил кувшин, из него посыпались блестящие предметы. Джемшид удивленно замер. Кувшин был наполнен золотыми монетами и украшениями! Он быстренько подтянул поближе свою переметную сумку. Все золото переложил в неё. Огляделся вокруг, поблизости никого не было. За холмом деревенские ребята пасли ягнят. Чутко успокоился. Взглянул на солнце. До заката время еще оставалось. Захотелось прямо отсюда отправиться домой. По детям ужасно соскучился. Но быстро подавил это желание, взял себя в руки и начал думать... Размышлял, решал с чего начать, старался найти более приемлемое решение. Он хотя и не смог в Баку заработать денег, но все же многое повидал, многому научился, уже прежним Джемшидом не был.

С холма Мурсал спустился в Нахчыван. Отыскал в нем ювелирную лавку, дав две золотые монеты, получил пачку сторублевых. Кото-

рый день был не евши – не пивши, уже ноги дрожали, голова кружилась. Быстренько нашел харчевню, съел две порции пищи*, выпил пару чашек кофе и малость пришел в себя. Затем отправился к цирюльнику, постригся, побрился и пошел в баню, где его основательно помыли, промассировали. Искупавшись, отправился в каравансарай, взял комнату. До утра проспал беспробудным сном. Утром отыскал портняжную мастерскую, заказал из самой дорогой материи – английского сукна красивую одежду. Обещали сшить к вечеру. Оттуда направился в городские магазины, себе, бабушке, Зохре, детям купил одежду, обувь, папахи, младшей дочери игрушек и конфет, принес в свою комнату в каравансарае. Потом отправился к седельникам и заказал к завтрашнему дню сделать достойный ханов фаэтон.

На следующий день Джамшид принарядившись в новую одежду, сел в фаэтон и направил его напрямиком на базар. Базар кипел: сельские жители продавали арбузы, дыни, фрукты, овощи, кур, скотину и другие продукты.

Джамшид оглядел базар, увидев там одно-

сельчанина Ягуба окликнул его. Тот увидел, что его зовет барин на фаэтоне, приняв за «жирного» покупателя, быстро подбежал к нему. Джемшид спросил:

– Знаешь меня?

Ягуб растерялся, оглядел этого богато одетого барина и глухим голосом сказал:

– Нет, барин, извини, не узнал.

Джемшид, смеясь, еще раз спросил.

Ягуб на этот раз более внимательно взгляделся.

– Честно говоря, Вы похожи на одного человека. Но нет. Нет, этого не может быть, – промямлил он.

Джемшид весело хлопнул Ягуба по спине:

– Слушай, ты не Ягуб?

– Он самый, да буду я твоей жертвой.

– А я Джемшид, твой односельчанин, не узнал? Два года назад в Баку уезжал, помнишь?

Ягуб радостно и удивленно обнял Джемшида, хотел поцеловать ему руку, Джемшид не позволил.

– Ты быстренько пойдешь в село, сообщи, что Джемшид-ага приезжает, пусть выходят встре-

чать, – сказал и, достав сотню, сунул в карман Ягубу.

Ягуб быстро вернулся на базар, сдал весь товар – дыни и арбузы спекулянтам и отправился в село. Там стал, привирая, во все горло расхваливать фаэтон и одежду Джамшида.

Все жители от мала до велика собрались в тени деревьев у въезда в деревню и стали ждать Джамшид-ага. Прошло немного времени, и вот вдали показался фаэтон. Он, поднимая пыль, приближался к деревне. Люди с нетерпением ждали его. Дети Джамшида радостно резвились, гордились отцом. Фаэтон подъехал.

Староста, молла, аксакалы, смотритель воды, выступив вперед, уважительно встретили Джамшида, поздоровались с ним за руку. Джамшид-ага, положив одну ногу на ступеньку фаэтона произнес:

– Люди! Завтра всех вас жду к себе в гости, дам поминальный обед по имамам*. А теперь простите меня, устал с дороги, да и малость приболел. Даст Аллах, завтра пространно побеседуем, – громко сказал и выпроводил всех, чтобы спокойно разместить то, что было в переметной сумке. Люди разошлись. Джамшид прошел в дом, расцеловал детей. Раздав привезенные подарки бабушке и детям, обрадовал их, потом, отведя в сторонку Зохру, отдал ей сумку...

На следующий день развели очаги, поставили казаны*, приготовили плов* и всех угостили. Угостившись, все возблагодарили Аллаха и хозяина дома разошлись по домам. Только несколько молодых остались – собравшись вокруг Джамшида, они расспрашивали, где в Баку найти работу, чтобы хорошо заработать. Джамшид же в ответ улыбаясь, просто отмалчивался, или говорил:

– Прежде всего человек должен быть честным, если честный, то его пропитание прямо к порогу его придет. А изредка приговаривал: «Если Господь пожелает одарить человека, то и на холме Мурсал это сделает».

Молодые люди села расстроились, что так толком ничего не смогли узнать, и обиженно разошлись по домам. Прошло несколько дней, племянник – сын сестры, Фарамаз заглянул к ним. После того, как поели, выпили кофе, Фарамаз вернулся к тому разговору:

– Дядя, я не малое дитя, мне уже двадцать семь лет, мои ровесники давно уже обзавелись семьей. А когда у меня будет свой дом, своя семья? Я же тебе не говорю, денег мне дай, только подскажи, как заработать. Ты же знаешь, как мы после смерти отца нуждаемся, дядя...

– Племянничек, в этой жизни три вещи в руках Аллаха: жизнь, судьба, да еще хлеб насущный. Если судьбой предопределено, хоть на вершине холма Мурсал Творец пошлёт тебе денег.

Фарамаз тупо смотрел в лицо дяди и ничего не мог понять. Джемшид, сделав глоток кофе, продолжил свою беседу:

– Внимательно послушай, еще кое-что скажу, может и поймешь меня. У родника Сулейман жил, сын чобана Керема. Он, как и я, ездил в Баку, ну и что? Очень здоровый, сильный парень, любого одним ударом мог бы с ног свалить. Ну и чем закончил? – сказав, взглянул на Фарамаза.

Фарамаз удивленно:

– Откуда мне знать, дядя, – сказал и пожал плечами.

Джамшид сказал:

– Даа, сбился с пути и плохо закончил.

– Как это плохо? – Фарамаз спросил и в ожидании ответа посмотрел на дядю.

Джамшид:

– Когда я работал чернорабочим на промыслах, тот самый Сулейман прохлаждался в ресторане. Несколько раз говорил, мол, «Приходи, вместе будем работать». Я не пошел. Почему? Потому что там очень скользкое место, мне не нравилось. Там пили, курили, играли, еще не знаю, что вытворяли... И Сулейман присоединился к ним, и пил, и курил, да и играл... В конце концов не знаю, что натворил, но его посадили. Человек не должен сбиваться с пу-

ти... Понимаешь? Даже курица при каждом глотке воды поднимает голову и смотрит на своего Создателя. Человек же бывает неблагодарным, за все блага, дарованные Аллахом, ни разу не благодарит. Ведь ты знаешь, что я верующий, до сих пор ни разу ни одного человека не обидел, даже чью-то курицу не вспугнул. Думаю, может потому Бог послал мне такой подарок прямо там, где я сидел, если бы сидел чуть в сторонке, то золото мне бы не досталось...

– Какое золото? – Фарамаз наострил уши.

– Ты не болтлив, потому-то скажу тебе, – и Джамшид рассказал Фарамазу, все, как было. – Сколько ни убивайся, все же надо, чтоб Аллах дал человеку. Вот я столько крутился, вертелся, но пропитание моих детей Аллах дал тут – на склоне холма Мурсал. Почему? Потому что долго испытывал меня, проверял, увидел, что я праведный человек, в конце концов он сам отворил мне ворота, понимаешь, племянник? Потому и говорю, «Если Аллах пожелает одарить человека, то и на холме Мурсал это сделает». Лишь бы душа у тебя была чиста...

Баку, 2012.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

*О добре думай,
о добре говори,
добро твори.*
Заратустра

Шел 1943 год – самая горячая пора Второй Мировой войны. Вся страна работала под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!» Чтобы победить фашизм, люди сдавали свои золотые украшения на танки и пушки, женщины вязали для солдат носки, перчатки, теплые рубашки, день и ночь до изнеможения работали в колхозах*, много продуктов посылали на фронт. Все – и на селе, и в городе переживали трудные дни: везде царили голод, холод, безденежье, нужда. В Шахтахты родной деревне Ахмеда положение было таким же тяжелым, как повсюду: мужчины были на фронте, вся работа легла на плечи юношей и женщин...

Отца Ахмеда, Джебраила призвали в армию в 1941 году, а старшего брата Ингилаба – через год. Заботы по дому и работа в колхозе легли на плечи Ахмеда и матери Афруз, сестра Солмаз и последыш Азиз были пока малы. Не прошло и шести месяцев, как на отца пришла похоронка, а от брата давно не было ни слуху – ни духу. Бедная Афруз, чтобы не расстраивать детей, иногда уединялась и молча плакала.

Ахмед по покрасневшим глазам понимал, что мать опять плакала.

Тогда Ахмеду было 16 лет, но был широко-костным и оттого выглядел старше своего возраста, что и сыграло с ним злую шутку.

В этой деревне был председатель сельсовета по имени Хромой Муртуз. После получения похоронки на Джебраила, он не давал прохода Афруз, повсюду преследовал ее. Пышная фигура Афруз, ее приятное лицо лишили сна Муртуза – он здорово влюбился.

Чтобы представить себе лицо Афруз достаточно вспомнить королеву турецкого кино Тюркан Шорай, ибо Афруз была очень похожа на нее. Двоюродный брат Афруз – отец Тюркан Шорай в свое время уехал в Турцию из Шахтахты, женился там и передал эту красоту и привлекательность Тюркан...

Муртуз назойливо преследовал, загораживал путь Афруз:

– Афруз, у меня больше нет сил терпеть! Выйди за меня. Что хочешь, дам, и тебе, и детям твоим будет хорошо, не прогадаешь, – говорил.

Афруз же резко отказывала ему:

– Ничего твоего мне не надо, иди к черту!

– И муж у тебя умер, чего ты ждешь? Жизнь коротка и в ней мало радости. Давай, выходи за меня, будем вместе радоваться жизни. Ну, что скажешь?

– Нет, нет! Могу ли я опозорить имя такого мужчины, как Джебраил, могу ли я ради своего удовольствия унижить перед ровесниками такого сына, как Ахмед. Если еще раз станешь преследовать меня, скажу Али-амиоглу! Понял?

Под Али-амиоглу Афруз подразумевала председателя колхоза, депутата Верховного Совета Нахчыванской АССР, впоследствии Героя Социалистического Труда Али Меммедова. Все, от мала до велика, его так и звали, ибо он был настоящим мужчиной, заступался за честь всех женщин села: опасаясь его, никто ни одного лишнего слова в их адрес сказать не мог. Поэтому Муртуз как пёс паршивый палки, боялся его. Он нехотя все же отступил, но чтобы отомстить Афруз внес Ахмеда в список восемнадцатилетних, которым предстояло ехать в Баку работать на нефтяных промыслах. Бедняга Афруз, как ни старалась, как ни пыталась, проливала слезы,

все же ее сына вместе с восемнадцатилетними парнями отправили на железнодорожную станцию Шахтахты. Она, завернув сыну, в лаваш* несколько кусков кавурмы* и сыра, напутствовала:

– Ахмед, ты очень доверчив, всему веришь, слушай, остерегайся плохих собеседников, да и простуды, да буду я твоей жертвой. Там у тебя никого не будет, у тебя два глаза – еще два прикупи, у тебя два уха – прикупи еще два, ладно? Не переставая, напутствовала она, и одновременно уголком платка вытирала невольно скатывающиеся из глаз слезы. Внутри Ахмеда будто что-то оборвалось, и деревня, и те, кто в деревне, – все, все осталось позади... Слезы душили его, еле сдерживался, чтобы не зарыдать. Зашел в вагон. Здесь он познакомился с парнем из соседней деревни по имени Искендер, подружились. У Искендера не было матери, потому отправился в путь без припасов. Ахмед по-братски поделился с ним всем, что имел.

Прежде, чтобы добраться из Нахчывана до Баку по железной дороге, сначала надо было поехать в Иреван, из Иревана в Тифлис, а оттуда уж в Баку. В 1942 году вдоль Араза из Джулфы в

Баку проложили новую железную дорогу, которая намного короче прежней. Поэтому на следующий день они уже были в Баку. С вокзала их отвезли прямо в общежитие, там комендант – спасибо ему – дал им место в одной комнате. А на следующий день ребят распределили по промыслам.

Фронту нефть нужна была как воздух, как вода. Поэтому Ахмед с товарищами и по воскресным дням, и по праздникам вкалывали по 12-15 часов, добывая нефть...

Ахмед сызмальства был трудолюбивым, он никогда не думал о себе, больше думал о других. В деревне помогал матери в домашних делах: подметал, мыл посуду, полоскал белье в воде родника, смотрел за скотиной. По утрам растапливать печку, колоть дрова, собирать кизяк, косить клевер, траву, складывать их в скирды и многие другие дела были на нём. Он старался, чтобы домашним было удобно, чтоб все было под рукой матери, потому мать очень любила Ахмеда, гордилась им и говорила: «Ахмед мне и сын, и дочь». И в общежитии он оставался верным себе: до прихода Искендера

убирал комнату, мыл посуду, из продуктов, полученных на продуктовую карточку, готовил ужин. И Искендер, к его чести, был неплохим парнем, и он, когда приходил раньше, делал домашние дела. У друзей продукты, и заработанное были общими, они и в радости, и в горести были вместе, обидного друг другу не говорили, прекрасно ладили между собой...

Прошли годы, наконец, война закончилась. Из республики с населением в 3,5 миллиона на фронт ушли 650 тысяч человек, а вернулись – 350 тысяч: кто-то умер, кто-то попал в плен, а остальные постепенно стали возвращаться. Но как? Многие возвращались без рук, без ног, больными, с осколками в теле, но и они, и увешанные наградами, но избежавшие этих бед другие ветераны возвращались, держа в одной руке сигарету, а в другой – водку...

За счет вернувшихся с войны постепенно стали отпускать домой и работавшую на промыслах сельскую молодежь. Стояло лето 1946 года, однажды Ахмеда позвали в контору, поблагодарили за хорошую работу и рассчитали. Начальник управления Эльдар муаллим сам

принял его. Начальник был фронтовиком. Он спросил у Ахмеда:

– Молодой человек, какие у тебя планы? Здесь останешься работать, или поедешь в район?

Ахмед задумался, по деревне ужасно соскучился.

– Поеду домой, – сказал он.

– Это твое право, но прежде, чем принять окончательное решение, хорошенько подумай. Мы можем направить тебя в институт или же в профтехучилище. Сначала отучись, получи профессию, потом езжай – то же самое и отец тебе сказал бы. Эльдар муаллим, переведя дыхание, добавил, – Теперь езжай к себе домой, повидай родственников. У тебя три месяца – отдохни, но к сентябрю возвращайся в Баку, ясно? Деревня никуда не убежит. Если упустишь эту возможность, потом всю жизнь будешь сожалеть, «а позднее раскаянье бесполезно». Договорились?

От такого доброго отношения Ахмед расчувствовался и в таком добром расположении духа направился на Сабунчинский вокзал, купив билет до станции Шахтахты, в городе прошелся

по магазинам, купил подарки матери, тете. Сестре, и брату – конфеты.

В купе, сидя в уголке, задумался. За три года, проведенных в Баку, ни разу не удалось съездить в деревню. Связь с деревней поддерживал посредством писем, или же через односельчанина Багир-ами. Тот работал проводником в поезде Баку-Иреван. Выбрав время, Ахмед приходил на вокзал, узнавал от Багир-ами деревенские новости или получал гостинцы, посланные матерью. Несколько раз мать посылала ему сухофрукты, печёное, сыр и другие гостинцы, шахтахтинские дыни, теплую рубашку или шерстяные носки, а Ахмед посылал в деревню то, что можно было купить в магазинах: одежду, калоши, а в основном – деньги. Он прекрасно знал, что в деревне всегда недостаток наличности, потому-то половину зарплаты – если даже самому нужны были деньги – посылал матери.

...Когда Ахмед, подросшим, возмужавшим с чемоданом в руке вошел во двор родного дома, при виде его, родня, соседи, обрадовались и удивились. У дверей было много народа. Ахмед заподозрил что-то неладное, с опаской спросил:

– Что случилось, или?..

– Мать больна, бедняга, который день «Ахмед, Ахмед» – твердит. Даже глоток воды выпить не в состоянии, при смерти, а умереть не может... Ты проходи в дом, пусть увидит тебя, малость успокоится.

Ахмед вошел. Соседки собрались у постели матери; они, увидев Ахмеда, стали всхлипывать, говорить о справедливости Аллаха. Тетя Судаба, увидев Ахмеда, обняла его и стала громко окликать сестру:

– Афруз, сестра, открой глаза, погляди, кто пришел, Ахмед пришел, Ахмед!

Больная зашевелилась, медленно открыла глаза. Увидев сына, обрадовалась, из ее глаз скатилась слеза, затем тихонько сжала руку Ахмеда. Ахмед, взяв руку матери, погладил, нагнувшись, поцеловал ее в руку, в щеку. Слезы душили его. Он, выйдя из дома, направился в правление колхоза; позвонив по единственному телефону в деревне, в райцентр, вызвал врача. Не прошло и часа, как машина скорой помощи остановилась у их калитки.

Врач, пройдя в комнату, хотел осмотреть больную. Афруз открыла глаза и тихим голосом спросила:

– Что вы делаете?

– Хотим оказать медицинскую помощь, – ответил врач.

Афруз глухим голосом промолвила:

– Доктор, если в лампе нет нефти, какой толк поднимать фитиль?

Все переглянулись.

– Мое время вышло, никаких докторов мне не нужно. Молилась, чтобы сын вернулся, и он, слава Богу, вернулся. Больше никаких желаний у меня нет.

Врача проводили. Афруз попросила воду и таз. Принесли: умылась, совершила омовение,

не вставая с постели, совершила намаз, прочитала отходную молитву, успокоилась. Будто лицо ее стало светиться. Потом позвала Ахмеда: «Поручаю тебе Солмаз, позаботься о ней, сиротка она», – промолвила. Потом послала за молла Пакиза. Когда Пакиза зашла в комнату, все молча, вышли оттуда.

Спустя час, Пакиза, тихонько отворив дверь, показалась в ней, все взгляды устремились на нее.

– Будто птичка – взмахнула крыльями и улетела, – сказала она. – Да будет земля ей пухом. Дай вам Аллах выдержки и терпения. Да будут открыты перед ней врата рая.

Все поняли, в чем дело. Всей деревней похоронили тётю Афруз. Поминки устроили. На третий день Ахмед на свои честно заработанные деньги устроил эхсан – поминальное угощение, никому не позволил потратиться. Справив «сороковины», он стал думать о дальнейшей жизни: отец – погиб на войне, брат – пропал без вести, мать – умерла, из-за безысходности сестру выдали за Сеида Ясина, который был на сорок лет старше нее. Оставался только младший брат

Азиз, да и тот собирался в армию. В те годы в сухопутных войсках служили три года, а на морском флоте – четыре, значит, Азиз вернется домой через 3-4 года. Ахмед был на распутье: не мог решить – остаться работать в деревне или поехать в город? В такие моменты чувствуется острая необходимость с кем-то посоветоваться. Вдруг вспомнил про Искендера. Правда, Искендер приходил на каждый четверг матери, был на сороковинах, но тогда не было возможности поговорить об этом. «Пойду-ка к Искендеру, лицом к лицу посидим, посоветуемся», – подумал. Так и сделал. Под вечер, когда стало прохладнее, пешком отправился в их деревню. Когда он подошел к ограде Искендера, залаяла собака. Со двора донесся громкий голос:

– Не бойся, заходи, сука на привязи!

Ахмед вошел во двор. Искендер, сидя под тутовым деревом* спиной к дороге, читал разложенные книги. Ахмед удивился:

– Ты чем занимаешься?

– Готовлюсь в институт. Брат в этом году будет поступать, да и я тоже – вместе готовимся.

Задумали оба учиться в институте. А дальше – Аллах велик.

– Ты очень умный парень, не мне чета. А я до сих пор не знаю, что делать? Вот и остался между огнем и водой...

– А что ты мог сделать, братец, ты-то в чем виноват? Занят поминками, на твоём месте любой растерялся бы.

– Вот потому-то пришел посоветоваться с тобой. «Добрый совет дороже денег», – говорят.

– И правильно сделал, что пришел, правильно сделал, – Искендер малость призадумался, потом, приподняв голову, сказал свое окончательное мнение. – Ахмед, Эльдар муаллим очень хороший человек, мудрый человек, помнишь, он нам дал хороший совет?

– Конечно, помню.

– Он сказал: «Учитесь или получите профессию, а потом уж куда хотите, туда и идите». Так? Братец, я же не дальновиднее его? Одним словом... Я вместе с братом Акпером отправляемся в Баку, будем поступать в институт: он на очное отделение, я – на заочное. Я хочу и учиться, и работать, если не буду работать, нам

придется очень туго. Понимаешь меня? Хочешь, и ты присоединяйся к нам, три брата вместе поедем в Баку учиться.

Ахмед с сомнением:

– Поехать поеду, но у меня ведь фундамента нет, – признался. Я после пятого класса оставил школу, тогда учителей отправили на фронт, а детей – в колхоз, работать, поэтому...

– Знаю, все знаю. Если учиться в институте силенок не хватит, пойдешь в профтехучилище, овладеешь профессией. Что в этом плохого? Ну как, что скажешь, едем?

– Едем, – Ахмед согласился. Друзья, договорившись, расстались.

Он, придя домой, рассказал о своих планах Солмаз и Азизу. Ахмед больше всего беспокоился о том, что отцовский дом останется без присмотра. Солмаз сказала, что «дом у нас маленький, а семья большая, до возвращения Азиза, я буду жить здесь», решив тем самым проблему. Таким образом, Солмаз с семьей переезжают в этот дом, Азиз отправляется в армию, а Ахмед едет в Баку учиться, что всех устраивало. Через месяц Ахмед вместе с Искендером и его

братом отправился в Баку. Перед отъездом он все деньги, что у него оставались, разделил на три части: часть Азизу на дорогу, часть Солмаз, а остальное оставил себе.

Приехав в Баку, Ахмед отправился в управление, где работал. Ему дали направление на учебу и предоставили место в общежитии. Отучившись два года в профессиональном училище, он овладел профессией токаря и получил направление на большой военный завод. Ахмед сначала работал помощником мастера, а его мастером стал русский по имени Митрофан, прикомандированный с одного из уральских заводов. Он был мастером своего дела. У матери Ахмеда была одна присказка: «Хорошая невестка та, которая воспримет все лучшее у свекрови, а хороший ученик тот, кто делает все, что скажет учитель». И Ахмед, как прилежный ученик, выучился не только всему тому, что мог ему дать наставник, но и ещё кое-чему дополнительно. Их станок стоял у самого окна, а окно открывалось прямо на дорогу. Митя помимо непосредственно своих заводских заданий, еще вытачивал запчасти для грузовых автомобилей и

тракторов, и хорошо зарабатывал. Но какой толк? Все заработанное пропивал с друзьями; он будто попал в «молочное озеро». Через два-три года Митя совсем спился и, если не выпьет, работать не мог – у него и голова, и руки тряслись. Он и аппетит потерял: кроме чая, воды и сигарет ничего в рот не брал. Запой стали учащаться, преследовали галлюцинации, сомнения и страхи. Два раза лечили его в психиатрической больнице. На некоторое время завязывал, но затем снова начинал, и ему становилось гораздо хуже. Дошло до того, что он потерял трудоспособность, стал заговариваться, совершать бессмысленные действия. Все говорили, что «у Мити крыша съехала». В конце концов, он остался без работы, без денег и без помощи...

Отвернуться от своего мастера Ахмеду не позволяла совесть, жалел его, потому-то и в больнице, и в общежитии навещал, помогал продуктами, давал денег. А Митя, как настоящий алкаш, тратил деньги не на свои потребности, а на водку.

Ахмед написал на Урал, к его родне, объяснил все, попросил, чтобы сын приехал и забрал

отца, но ответа так и не получил. Он несколько раз предлагал мастеру купить билет и отправить его домой, но Митя из-за водки не соглашался, хотел остаться здесь. Как бы там ни было, Ахмед продолжал помогать ему. Товарищи по работе твердили: «Ну, какое тебе дело до этого русского? Чего так убиваешься из-за него, он же тебе ни брат, ни сват, хочет пусть умирает, хочет – живет этот алкаш». В ответ на это Ахмед отвечал: «Если кто-то неделю учил меня, то я сорок лет буду ему прислуживать. Я же его хлеб ем...»

Не прошло и двух месяцев, в животе у Мити накопилась жидкость, и он умер от цирроза печени. Похоронить его, и организовать поминки стало возможным благодаря Ахмеду. А на отправленную им телеграмму никто не ответил, и никто не приехал на поминки.

Годы пролетели незаметно, Ахмеду было уже под сорок. Однажды на свадьбе товарища по работе одна из женщин спросила:

– Ахмед, братец, почему не женишься?

– Не знаю, – сказав, он пожал плечами.

– И до каких пор это будет продолжаться?

Вот, Симузар из нашего цеха, хорошая женщи-

на. Правда, она уже была замужем, имеет двух дочерей, но развелась. Говорит: «Лучше иметь прекрасное счастье, чем прекрасное лицо». С мужем ей не повезло. Приглядишься, если понравится, скажи, уговорить ее – моя забота.

Через несколько дней их познакомили. Симузар было около тридцати. Эта круглолицая, полная женщина понравилась Ахмеду, и они поженились. Когда на заводе выдавали квартиры, им выделили трехкомнатную. Он хорошо зарабатывал. Сначала отремонтировал квартиру, затем по желанию Симы обставил её импортной мебелью, купил холодильник, телевизор, ковры... Ахмед любил детей: заботился о девочках, ни в чем им не отказывал, девочки же любили его больше, чем свою собственную мать. Любимым занятием Ахмеда было гулять по бульвару с Сенем и Вефой, играть с ними. Он вырастил девочек, как своих собственных, обучил, дал профессию: Сенем закончила медучилище, а Вефа – музыкальный техникум. Даже подготовил им хорошее приданое. Возможно, он считал бы себя счастливым человеком, но...

Ахмед сильно переживал, что у него нет собственных детей. Когда бывал на свадьбах, хотя и мрачнел, но никогда не завидовал. Он просил у Аллаха ребенка. После совершения намаза одна из просьб к Создателю связана была с ребенком, но и неблагодарности тоже не проявлял...

Несколько раз заводил с Симой разговор о ребенке, но она каждый раз говорила, что, мол, «тут моей вины нет, не могу от тебя забеременеть». Ахмед был доверчивым, человеком с чистым сердцем, верил жене и опять-таки все надежды связывал со Всевышним. Так и миновали годы. Со дня их женитьбы прошло 19 лет, Ахмед-киши было уже 58, но он по-прежнему был бодрым. Выглядел гораздо моложе своего возраста. Мастер Ахмед все еще продолжал вкалывать за своим станком. В цехе, кроме него, было еще два токаря: один Равиль, а другой – Шамиль. Они до обеда работали, в обед поддавали, были под мухой, а потом куда-то исчезали. А Ахмед по вечерам после работы оставался, выполнял имеющиеся заказы, подрабатывал. Больше всего причиной таких сверхурочных, была жена Сима, так как ее бесконечные

требования денег с годами увеличивались. Дело дошло до того, что жена стала требовать для себя, и дочерей золотые украшения, разнообразные наряды, модные туфли, дачу и еще многое другое. Не успев оплатить одно, требовала второе, затем третье. Сима по вечерам выгребала из карманов мужа все до последней копейки, оставляя только на трамвай. А когда пытался возразить, говорила, «а на что тебе деньги, все равно едешь на работу, а там деньги будут». Ахмед хоть и говорил: «Слушай, а вдруг мне понадобятся 10 рублей, что ж мне, в моем возрасте оказаться в неловком положении?», – все было бесполезно. В последнее время Сима, пользуясь послушностью Ахмеда, заставляла его делать все, но даже «спасибо» не говорила. Ахмед все это видел, понимал, но, чтобы в доме не было дразг, терпел, не возмущался. После женитьбы стало проблемой посылать деньги в деревню, сестре Солмаз; жена так ворчала, что становилось невмоготу. Ахмед думал, «смерть без мучений, а семья без дразг не бывает» и потому держался степенно, не раздувал скандал, не очень-то переживал по этому поводу. Так как он

работал, зарабатывал деньги, ссора продолжения не имела.

У них в цеху уборщицей работала женщина по имени Гюльсюм: она собирала обрезки железа в ведро, подметала, подогревала обед, заваривала чай. И чаще всего беседовала с Ахмедом. Они уже хорошо знали друг друга. Однажды принесся подогретый обед и чай Ахмеду, Гюльсюм присела рядом с ним.

– Сестрица Гюльсюм, что случилось, что-то хочешь сказать?

– Не знаю Ахмед, не знаю, говорить или нет?

– Если надо сказать, скажи!

Гюльсюм заёрзала на месте, она не знала, с чего начать. Вдруг сказала:

– Сколько тебе лет?

– Лет? А зачем тебе это? Ровно на двенадцать лет младше тебя,- Ахмед попытался пошутить.

– А сколько лет ты женат?

– Что это за расспросы, ты что, следовательно? Ну, говори, что тебе надобно?

– Внучка моя Айгюн, ты же знаешь, медсестрой в роддоме работает, – она начала издалека.

– Ну, ну и что? – В голосе Ахмеда зазвучали тревожные нотки.

Вдруг тетя Гюльсюм со злостью сказала:

– А то, что твоя жена, чтоб она сдохла, уже четвертый раз ходит туда.

– Ходит туда? Чего ради? – удивленно спросил он.

– Все дело именно в этом, на аборт...

Ахмед замер.

– О чем ты говоришь, старая? Ты в своем уме? Я не могу иметь детей...

– Ты так и думай... Внучка говорит, что Сима приходит к Гюле ханым на аборт.

Ахмеда будто окатили кипятком. Внутри у него словно что-то оборвалось, разбилось на кусочки, в глазах потемнело, закружилась голова, присел. «Значит, я могу иметь детей, эта сукина дочь меня обманывала. Но почему?» – подумав, застонал. Не зная куда пойти, вышел из цеха. «Никогда не подумал бы, что человек, годами евший мой хлеб, так бессовестно может меня обманывать. Неблагодарная!» Прямо в комбинезоне, в чем был, отправился в рабочее общежи-

тие, попросил коменданта дать ему отдельную комнату...

Вефа и Сенем четыре раза приходили в общежитие, плакали, умоляли вернуться, но Ахмед резко заявил: «Я больше не смогу жить под одной крышей с этим человеком, не смогу есть с ней за одним столом. В моих глазах она не женщина, а детоубийца, убийца собственных детей! В душе у меня к ней ничего не осталось, видеть не хочу ее...» Когда они пришли в последний раз, он почувствовал, что их подослала мать, видимо, осознала, какой «жирный кусок» упустила: «Пойдите, скажите матери, что мне из того дома ничего не надо, ни дома, ни денег, ни золота, ничего... Пусть будет спокойна! С этим покончено, понятно? Напрасно не утруждайте себя, идите, занимайтесь своими делами, и не беспокойте меня».

Через несколько дней об этом уже знали все на заводе. Начались пересуды, наконец, это дошло и до ушей Искендера. Сейчас Искендер был председателем профсоюзного комитета завода. Он попросил передать Ахмеду, чтоб тот зашел к нему. После работы Ахмед зашел в

кабинет Искендера. Поздоровавшись Искендер сказал:

– Ахмед, уже все знаю. Это жизнь, и всякое бывает. Ты сильно не переживай. Мы и тебя знаем, и ее.

Искендер попытался выяснить, какое решение принял Ахмед:

– Ну, что решил, что будешь делать?

– Даже не знаю, совсем голову потерял. Моя оказалась неблагодарной, Искендер, – промолвив, замолчал.

– По правде говоря, ни мне, ни Бильгейис она не нравилась, не по душе нам она была, потому-то так редко заходили к вам.

– Мдаа,.. я чувствовал.

– Ну, теперь что будешь делать?

Ахмед пожал плечами.

– Будь я на твоём месте, взял бы отпуск, отправился бы в деревню. Малость отдохнул бы, затем с помощью родни выбрал девушку, женился и привез в Баку. Старых дев в деревне немало. Ну, что скажешь?

– К лицу ли мне жениться в таком возрасте?

– Ну, какой у тебя возраст? Что делать, тако-

ва у тебя судьба, «от судьбы не уйдешь». Когда мой дедушка со скандалом женился, ему было 75 лет, после него сейчас остались трое детей. А какой твой возраст? Короче, собирайся и отправляйся в деревню. Нашему заводу у метро Нариманова выделили дом, через 5-6 месяцев будет распределение квартир. Если опоздаешь, упустишь квартиру, даже я не смогу помочь, понятно? Даа, чуть не забыл, вместе со свидетельством о браке принеси мне и справку о беременности жены, тогда мы сможем выделить тебе трехкомнатную квартиру.

– «Соль в карьере, ишак на пастбище – купите соль, купите соль», – Ахмед с иронией сказал. – Ты уже все разом решил!

– А отчего же не решать?!

Искендер нажал кнопку селектора и поручил:

– В список первого квартала добавьте и Ахмеда Алиева, да, четвертый цех, подсчитайте деньги, завтра же выдайте зарплату, отпускные, премиальные. Потом открыл сейф, достал оттуда 1000 рублей, положил перед Ахмедом.

– Что это? – Ахмед удивился.

– Подарок. Я заранее делаю подарок на свадьбу.

От такой заботы друга Ахмед расчувствовался, отодвинул от себя деньги.

– Если не возьмешь, нашей дружбе конец! Даже здороваться с тобой не буду! Ты не думай, что я забыл вкус кавурмы покойной тети Афруз, ты не думай, что я позабыл как ты добр был ко мне! – сказал и охотно стал вспоминать. – Однажды, на праздник Новруз и у меня, и Акпера полностью закончились деньги, даже кусок хлеба купить ни гроша не было. Не пойму, каким образом, но Аллах привел тебя к нам? Помнишь, Ахмед, как ты пришел к нам? Тогда мы учились на пятом курсе, а ты работал. После того, как ты ушел, под подушкой обнаружили 90 рублей. Целый месяц прожили на эти деньги. Сейчас же, дорогой друг, возьми это и иди, не заставляй меня много говорить. Для свадьбы много чего надо, понятно, Ахмед?

Ахмед так и поступил: взял отпуск и поехал в деревню. Была весна. Он давно не мог найти время и выбраться в деревню. «В каждом деле есть и хорошая сторона, будем уповать на Аллаха».

В деревне увиделся с родней, узнал, как живет сестра, каково их положение. У Солмаз было трое сыновей. Средний сын Мир Мовсум был немым. В свое время Ахмед взял его под свое крыло, тот отучился в Баку в профтехучилище, получил профессию. В те годы в шахтахтинском каменном карьере вырезали каменные блоки, отправляли их в Баку, Москву, Ленинград, Киев, в социалистические страны. Затем из этих блоков изготавливали травертины и использовали для облицовки зданий и стен метро. Сейчас Мир Мовсум работал механиком в карьере. И свадьбу его справил дядя.

Брат Азиз жил в отцовском доме, работал водителем в колхозе. Вечером, когда все разошлись, два брата сидели, беседовали; слово за словом, Азиз сказал:

– Сейчас молодежь подалась в Россию, Баку,.. а девушки в деревни остаются... А некоторые из армии привозят русских девушек, будто в своей деревне их нет. Вспомнил один случай. Расскажу, и ты посмеешься. Сын Зейналабдина из армии привез русскую девушку. Родители, хотя и были недовольны, все же виду не пода-

вали, открыто не говорили девушке «уезжай». Хотели подстроить все так, чтобы девушке самой все надоело, и она сама уехала. Муж говорит жене: «Давай кормить ее только гатыгом». Так и сделали. Сами тайком в стороне ели нормальную еду, а ее кормили только гатыгом. Прошло несколько месяцев... Девушка увидела, что они кроме этого ничего не едят. И конце концов собрала чемодан, покидая дом, сказала: «Это белое что, я не знаю, но оно вас погубит». Рассмеялись. Ахмед объяснил причину своего приезда в деревню. Азиз сказал:

– Братец, – в деревне сколько угодно прекрасных девушек!

– Так-то так, но это должна быть такая, что бы соответствовала мне, моему возрасту.

– Конечно же, такую девушку мы подберем.

Ахмед позвал жену:

– Чеменгюль, возьми завтра двоюродную сестру, присмотритесь к девушкам, выберите аккуратную, работающую, воспитанную девушку, чтобы соответствовала Ахмеду.

Было начало мая, только закончился месяц мухаррам, месяц траура по имаму Гусейну, поэ-

тому свадьбы следовали один за другим. Азиз сказал:

– Очень кстати, завтра свадьба Рустама, сына Садыга. Пойдем на свадьбу, все будут там, и на свадьбу поглядим, заодно и девушку присмотрим.

Как и все, Ахмед тоже пошел на свадьбу. За время, что его не было в деревне, многое изменилось, изменились и свадьбы...

Он огляделся и спросил:

– А гюляша – борьбы не будет?

– Нет, сейчас уже на свадьбах не борются.

– Почему, ведь украшением свадьбы был гюляш.

Ахмед вспомнил прежние свадьбы: «В те времена свадьба длилась три дня: начиналась она в пятницу, суббота была «вечер хны», а воскресенье – «большим днем свадьбы». В воскресенье устраивали застолье, а вечером привозили невесту. Свадьбой, с прутиком в руке управлял «тойбейи*»: управлял плясками, старался сделать свадьбу содержательнее, а тех, кто пытался пошалить, выгонял. В ходе свадьбы кто-то выходил вперед, прослуживив деньги, припечатывал

на лоб одного из музыкантов и говорил: «Давай, сыграй борцовскую мелодию!» И музыканты играли. Борцы выходили на майдан, начинали устрашать друг друга. Затем захватывали друг друга за пояс, боролись, но чтобы не унижать соперника, на землю не бросали, в конце вставали, обнимались, играла темповая музыка и они вместе танцевали. То есть все старались, чтобы не было обид, царило веселье. Хулиганить на свадьбе считалось неуважением к хозяину свадьбы». А теперь этот обычай убрали.

– Знаешь, почему? – спросил Азиз.

– Нет, почему?

Азиз рассказал одну историю:

Примерно пятнадцать лет назад сын дяди Аскера Имран – ты его знаешь – на свадьбе боролся с Гамбаром. Имран, подняв Гамбара, так бросил на землю, что у того нога сломалась ниже колена. Гамбара забрали в поселковую больницу. Не знаю, там плохо лечили, или отчего-то другого, но левая нога Гамбара начала гноится. Из Нахчывана приехал хирург, осмотрел и сказал, что время упустили, придется отрезать ногу. Тогда была одна фельдшер в возрасте, кото-

рая прошла войну. Она сказала Гамбару, что «если женишься на мне, то отвезу тебя в Баку, вылечу, и ногу не отрежут». Гамбар согласился. Короче, и в Баку вылечить не удалось. Ему отрезали ногу ниже колена, девушка заказала ему протез. Позже пришла весть, что Гамбар женится на городской девушке. Одним словом, после этого происшествия старейшины решили, что впредь на свадьбах борьбы не будет. И с того времени песенка гюлеша была спета.

– А почему Имран так поступил, с ума сошел?

– Кто знает? Поговаривали, что оба любили одну и ту же девушку.

Пришедшие на свадьбу – и стар, и млад – по одному подходили и здоровались с Ахмедом, спрашивали про житье-бытье. Старших он сам узнавал, а с молодыми знакомил брат. С приездом в деревню от оказываемого к нему внимания, забот, настроение у него было приподнятым. Жена Азиза Чеменгюль день и ночь крутилась вокруг него, предугадывая все его желания. По обычаям деревни, он называл жену брата невесткой, а она его – братом. В деревне к

отцу обращались словами «деде, баба, ага, ата, ами», а к матери – «ана, нене, баджы, инна, мама». Ахмед и его брат с сестрой обращались к своей матери «инна».

Чеменгюль постоянно спрашивала: «Что приготовить на сегодня, братец?». Она для гостя готовила бозбаш* с говурмой*, кюкю*, хашыл*, плов* и другие блюда. А на столе всегда были гатыг*, свежая зелень. Особенно вкусной весной был лаваш с завернутыми в него зеленью и сыром! Вкусившие – знают, что такая еда объедение. К тому же он любил есть, сидя на полу, на ковре, и не ложкой, а руками! Еда была не только вкусной, она доставляла ему истинное удовольствие. Когда ему говорили: «хочешь, принесем ложку», или «ешь за столом», он отвечал: «когда сижу на полу, ноги отдыхают, и пища идет в пользу». Потом рассказал Чеменгюль давнюю историю: «Как-то турецкого пашу* пригласили в Лондон, разместили в лучшей гостинице. На следующий день в его честь устроили торжественный прием. Стол был уставлен четырьмя-пятью видами ложек, вилок, ножей, множеством разнообразных тарелок.

Паша каждое блюдо ел по-европейски – вилкой и ножом, ложкой, какими и надо было. Английский генерал, не сдержавшись, спрашивает: «Вы же вчера не так ели?» Он понимает, что в гостинице за ним наблюдали. Паша тотчас ответил: «Вчера я ел для себя, а сегодня – для вас».

Ахмед каждый день выходил в центр деревни, виделся с ровесниками, беседовал, пил чай, проводил время. Все было на центральной площади: и школа, и правление колхоза, парикмахерская, мясная лавка, сапожник, швейная мастерская, пекарня, базар... Только мечеть, водяная мельница и баня были на окраине. Поэтому-то обо всем: и о мировых новостях, и о деревенских – можно было поговорить именно здесь, и здесь же можно было встречаться с друзьями и знакомыми.

Однажды он сидел в чайхане, чаевничал. Трое учителей после уроков сели за стол Ахмеда, стали тоже пить чай. Ахмед поинтересовался:

– Вы ученые люди, может, знаете, отчего в нашей деревне все: еда, сыр, мясо, зелень, дыни и арбузы – и вообще все такое вкусное? В чем

причина? Я побывал в пяти-шести странах, нигде не почувствовал этого вкуса.

Химик Кязым муаллим сказал:

– Это объясняется, прежде всего, богатством нахчыванской земли минералами и микроэлементами, да еще их гармонией. Во-вторых, здесь очень большое количество солнечных дней, возможно, свою роль играет резко континентальный климат, да и еще из-за засоленности почвы все такое вкусное, по-моему.

Разговор поддержал физик Азад муаллим:

– В-третьих, в треугольнике Дербент – Тебриз – Нахчыван больше всего выпадают осадки, которых называют «атмосферной пылью», поэтому и пищевые продукты такие вкусные, а люди такие талантливые, эти осадки носители биоэнергии. Иначе, откуда столько гениальных, талантливых людей на этой небольшой территории? Любой человек с этой земли, куда бы ни пришел, добивается успеха, завоевывает уважение.

Историк Ашраф муаллим тоже присоединился к беседе:

– В-четвертых, в этих местах с очень древних времен обитали люди, Ахмед дайы, на самом

деле эти места священны. Наша деревня прежде называлась Карахасар, потом переименовали в Шахтахты. Эта деревня – родина первого философа в мире пророка Заратустры. Он создал «Авесту» именно здесь. Второй, после Адама, отец человечества пророк Ной тоже жил в этих местах. Могила его там, где он ступил на сушу после потопа, в Нойчыхане, по-нынешнему – в Нахчыване. Все это не просто так; это связано с космосом, с Аллахом. Кроме того, Гусейн Джавид, Шахтахтинские, Кенгерли, Зарифа Алиева и сотни других видных деятелей родились на этой земле. В настоящее время из этой деревни в Баку трудятся два министра, три академика, один ректор, кроме них еще десятки ученых, профессоров, писателей, поэтов и генералов и еще много других видных деятелей... Всех перечислить невозможно...

Ахмед слушал с удивлением, чувство гордости переполняло его.

Выйдя из чайханы, он отправился домой. Ребята на улице гоняли резиновый мяч. Многие были побриты налысо. Это напомнило ему собственное детство. Вспомнил одну историю, кото-

рую рассказывал отец: «Однажды мясник и цирюльник поспорили, чей сын за лето станет выше ростом. Мясник каждый день кормил сына мясом, курдюком, а цирюльник каждый день брил голову сыну. В конце лета выясняется, что сын цирюльника, выше и крепче, сына мясника».

Ахмед обратил внимание и на то, что в городе не замечаешь, как проходит время, а в деревне каждый день кажется длиною в год. Говорят: «Хоть все считается со временем, а время ни с чем не считается». Так и получилось, что дни постепенно прошли, отпуск подошел к концу.

Женщины пересмотрели всех девушек в деревне, обсудили, выбрали девушку по имени Сара. Эта, примерно 35-36-летняя девушка была приятной на вид и доброго нрава. Семьи поговорили, все обговорив, пришли к согласию. Родственники собрались и в 1985 году сыграли одностенную свадьбу, называемую в народе «бей-башы». Напутствуя дочь, отец Сары сказал:

– Дочка, правда, Ахмед намного старше тебя, но не переживай по этому поводу. В этой семье уважают женщин и хорошо заботятся о них. И отец его, и дяди честными людьми были,

мы с ними издревле соседствовали, хорошо знаем друг друга. Иди, дочка, иди, дай Аллах тебе счастья!

На следующий день после свадьбы родственники на железнодорожном вокзале посадили их в поезд и проводили в Баку. Ахмед снял квартиру, и пока стали жить там. Через пять месяцев после свадьбы жена забеременела. От радости у Ахмеда блеснули глаза, он словно переживал вторую молодость. Возблагодарил Аллаха... Ахмед охотно заботился о Саре, все лучшее, что видел в магазине и на базаре, тащил домой, гулял с ней по городу, знакомил ее с Баку. А Сара, пока Ахмед был на работе, готовила, мыла, стирала, гладила; каждый день меняла ему носки, ухаживала за ним, старалась излечить его израненную душу. И Сара, и Ахмед были довольны своей судьбой. Потом все постепенно наладилось, вошло в свое русло: им дали квартиру, отремонтировали, постепенно обставили ее. При рождении каждого ребенка Ахмед покупал жене соответствующую сезону одежду, туфли, да и золотые и бриллиантовые украшения. На десятый год после свадьбы Ах-

мед уже был отцом четверых детей: двух сыновей и двух дочерей. Старшего сына назвал именем своего отца, младшего – отца Сары, старшей дочери дал имя своей матери, а младшей – Сары, и никаких обид. В 2003 году Ахмеду исполнилось 76 лет, он все еще работал в цехе токарем. Шамиль который год, как умер от инфаркта, а Равиля разбил инсульт, ходить как следует уже не мог, как инвалид первой группы, получал пенсию.

На заводе уже не осталось ни одного человека его возраста; и Сара, и дети хотели, чтобы он вышел на пенсию. Сара устроилась продавщицей в газетный киоск, рядом с домом и стала, хоть немного зарабатывать, потому что дети подросли, и расходов стало больше. Джабраил и Афруз закончили университет, создали семью, только начали работать. А остальные дети пока учились в университете.

Ахмед, хотя и ушел с работы, не мог усидеть дома. Каждый день ходил в мечеть, беседовал с ровесниками, совершал намаз, перебирал четки. Совершил паломничество в Мекку и стал хаджи. Уж в статусе Хаджи Ахмеда стал постепенно

ходить на поминки, читать фатиху – поминальную молитву, научился управлять меджлисом, читать нараспев Коран, рассказывать поучительные истории из жизни пророка Мухаммеда и имамов. Его высокий рост, густая белая борода, привлекательный вид вызывали к нему симпатию. Все хотели, чтобы поминальный обряд вел Хаджи Ахмед. Потому что он не был жадным, никогда о деньгах не думал, но хозяева поминок насильно совали ему в карман деньги, или же посылали к нему домой. Дай Бог здоровья и удачи людям, так получилось, что уж через год-другой он стал ходить на «четверги», «сороковины», «годовщины» и зарабатывать почти столько же, что и прежде.

Прошло еще несколько лет, и 2015-й год остался позади. Он теперь большую часть времени проводит дома. Выходил из дома только для того, чтобы пойти в мечеть или на поминки. В последние годы чувствовал, что погрузнел, колени стали слабеть, уши – плохо слышать, глаза – слабо видеть, но за это не переживал, ибо самое главное – детьми был полностью доволен. Сыновья не курили и не пили, дочери были просто умницами: образованными, культурными... У всех были семья, работа. В настоящее время у дедушки Ахмеда было 11 внуков, он дышал ими.

...Однажды, никого дома не было, Хаджи Ахмед сидел дома и для кого-то читал Коран. Вдруг раздался стук в дверь. Он, положив книгу на ковер, поднялся с места, пошел к дверям. У порога стояла бедно одетая женщина средних лет.

– Прошу, дочка, Вы к кому?

Видимо, женщина была очень взволнована, поэтому не знала, как и с чего начать говорить.

– У тебя ко мне дело, или к Саре? – Хаджи повторил вопрос.

– К тебе, – слышался низкий знакомый голос. – Это я, папа, Вафа, твоя неверная Вафа.

От этой неожиданной встречи и он разволновался, на миг не нашелся что сказать.

– Что-то случилось? Ничего серьезного не произошло? – Он с опаской спросил.

– Случилось, папа, случилось. Да перейдут ко мне твои печали, папа, прости меня, у меня другого выхода не было, вот и пришла к тебе. Что бы ни сказал, ты прав, ты для нас был хорошим отцом, а мы...

– Ну что же случилось? – Терпение Ахмеда лопнуло.

– Мать заболела, худая болезнь, злокачественная. Врачи говорят, если в течение десяти дней не прооперировать, ее потеряем. Куда ни обращалась, никто не помог. Ты в те времена говорил: «Лучше просить у одного Аллаха, чем у двенадцати имамов его». И я пришла просить тебя, папа.

Он всё понял.

– Сколько надо на операцию?

– Даже не знаю, на это нужна уйма денег, папа, самое меньшее 7-8 тысяч...

– Минутку подожди...

Хаджи Ахмед ушел в комнату за своими сбережениями, которые хранил на черный день, когда вернулся, протянул Вафе деньги, завернутые в носовой платок.

– Возьми, здесь больше, чем ты говорила. Это деньги на саван мой, на мои похороны...

Вафа взяла деньги и ушла, молясь за него.

Добром на добро каждый ответить дюж,
Добром же на зло – настоящий муж.

Посвящаю светлой памяти моих родителей – отца Джалиль муаллима и матери Сакины ханым.

Баку, 2015-2018.

СЛОВАРЬ

Месих – Иисус Христос

оба – село

булла – указ Папы Римского

вече – собрание

Устад – Старший мастер, Учитель

уста – мастер

подёщик – подсобные рабочие

гусул – в исламе акт ритуального омовения

афтафа – кувшин для воды, употребляемый мусульманами для омовения

дастархан – скатерть

минара – мера длины, равная километру

аршин – мера длины, равная метру

Палата – Дума

Красный – красивый

басурман – мусульмане

варяг – скандинавский народ

мехелле – двор

хан-кебаб, шах-плов, долма, люле-кебаб – азерб. национальные блюда

диван – здесь: поэма

уд – музыкальный инструмент

Баду-Кубе – Баку

аманат – залог

берзан – греческие христиане говорящие по-турецки

Тифлис – Тбилиси

Эшикагасы – дворецкий

Ферман – повеление, указ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ülfət Cavad. "Kremlin azərbaycanlı memarı". "Paritet" qəzeti, 15-16 iyul 2004.

2. Н.И.Костомаров. «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». I Книга. Москва, «Книга», 1990.

3. С.П.Бородин. «Дмитрий Донской». Москва, «Современник», 1980.

4. М.И.Пыляев. «Старая Москва». Москва, «Московский рабочий», 1990.

5. Интернет-ресурсы.

Асиф Джалил оглу Кенгерли (Меммедли) – в 1954 г. родился городе Нахчыван, в семье преподавателя. В 1972 году он окончил среднюю школу № 1, с уклоном родного языка и литературы, с отличием. Действительную военную службу проходил в Украине (1972-1974). Учился в Азербайджанском Государственном Медицинском институте на лечфаке (1975-1981) в Баку, по окончании интернатуры (1981-1982) ему присвоили специальность психоневролога. По приезду в родной город занялся врачебной деятельностью: сначала в Нахчыван-

ской Республиканской Больнице работал методистом (1982-1985), затем в межрайонной ВТЭК экспертом-невропатологом (1986-1995) и на протяжении семи лет (1996-2003) в Нах. РНД занимал должность главного врача. В 2003 г. по приглашению главного нарколога Республики переезжает в г. Баку и по настоящее время работает в Анонимном Наркологическом Кабинете психиатром-наркологом (2004-2022).

Асиф Кенгерли начал свою творческую деятельность в 2002 году, в 48 лет. Его первое произведение, пьеса «Vəla» была издана в 2002 году в Нахчыване. Впоследствии вышли в свет еще несколько его книг: «Vəla» и «Беда» (Баку, 2007), «Отрава» и «Дьявольская вода» (Баку, 2012 на азербайджанском языке), «Bela» (Стамбул, 2014), в том числе «Всё о табакокурении» (2016), «Алкоголь – враг здоровья и здорового образа жизни» и «Наркомания – «оружие» уничтожения семьи» (2017) которые были восприняты читателями с большим интересом и признанием. Была постановка пьесы «Vəla» в театре, которая прошла с аншлагом, вызвав восторженную реакцию в зале и надолго осталось в памяти зрителей. Пьеса «Беда» и «Отрава» были представлены вниманию слушателей и на Азербайджанском радио (105 FM), что произвело неизгладимое впечатление на радиослушателей и по этой причине периодически звучит в эфире – «Vəla» входит в золотой фонд национального радио. Также завершён фильм

(2018), в котором автор снялся в роли главного врача. Желающие, могут посмотреть фильм-спектакль «Bəla» на You Tube.

Асиф Кенгерли удостоин почётных премии «Qızıl qələm» («Золотое перо», 2012), «İlin vətənpərvər adamı» («Патриот года», 2013), а также он член Союза писателей Народов Мира (2016) и Интернационального Союза писателей (2021); был награждён орденом Святой Анны (2021).

Доктор Асиф занимался и педагогической деятельностью; сначала преподавал в Нахчыванском медицинском техникуме (1986-2002), затем по приглашению ректора в Нахчыванском Государственном университете (2003).

Он как врач-писатель самоотверженно пропагандирует среди школьников и молодёжи о вреде табакомагии, алкоголизма и наркомании.

Женат, имеет двоих детей. Супруга и дочь – врачи. Дочь замужем, работает врачом в Германии, у неё две девочки – Инджи и Назрин. Сын по окончании магистратуры в Риме (Италия), создал семью и в данное время проживает в Калифорнии (США), там у него родилась дочь, которую назвали Эмилия Мариэн.

[illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

1. Зодчий Кремля – Керемли (<i>повесть</i>).....	3
Глава I.....	3
Глава II.....	17
Глава III.....	27
Глава IV.....	39
Глава V.....	41
Глава VI.....	47
Глава VII.....	50
Глава VIII.....	57
Глава IX.....	59
Глава X.....	62
Глава XI.....	74
Глава XII.....	78
Глава XIII.....	82
Глава XIV.....	87
Глава XV.....	89
Глава XVI.....	94
Глава XVII.....	96
Глава XVIII.....	101
Эпилог.....	109
2. Дар Господа.....	113
3. История одной жизни.....	125
4. Словарь.....	168
5. Список литературы.....	170
6. Автобиография автора.....	171

Переводчики: – **Арзу Исмайылгызы,**
– **Ниджат Меммедов**

Редакторы и корректоры: – **Арзу Исмайылгызы,**
– **Асиф Кенгерли**

Директор издательства: – **Тельман Джафаров**

Исполнительный директор: – **Рита Муслимова**

Технический редактор: – **Гюнель Мухтарова**

Художник: – **Эмилия Годжаева**
(лауреат международных премий)

Сверстана и отпечатана в ИПЦ «Мутарджим»

Подписано к печати: 08.02.2022.
Формат: 84x108 1/16. Гарнитура: Palatino Linotype.
Объем: 11 п.л. Тираж 200. Заказ № 31.

ИПЦ «Мутарджим»
Баку, ул. Расула Рзы, 125/139b
тел./факс: (+99412) 596 21 44
e-mail: mutarjim@mail.ru